

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

Героическая фантастика

Андрей Величко

Точка бифуркации

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Точка бифуркации / А. Ф. Величко — «Махров»,
2018 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-093885-8

Бывший советский инженер Сан Саныч Смолянинов, а ныне Его Императорское Величество Александр IV, некоторое время думал, что инерцию истории удалось сломать и точка бифуркации пройдена. Ведь демонстрация военным атташе ведущих стран мира русских ударных самолетов и подводных лодок сумела оттянуть нападение Японии на дальневосточные рубежи. Но после такой явной заявки на вступление в «Клуб сверхдержав» Россией заинтересовались очень крупные игроки... И русско-японская война теперь представляется всего лишь репетицией Первой мировой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093885-8

© Величко А. Ф., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Величко

Точка бифуркации

© Величко А. Ф., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Чарльз Крамп имел все основания пребывать в приподнятом настроении – кажется, трудности, связанные с тем, что военно-морской флот не только не хотел давать заказы полностью независимой от него фирме, но вообще отрицательно относился к существованию ее и ей подобных, подошли к концу. Заказы, потерянные на внутреннем рынке, удалось компенсировать на внешнем. Причем, что удивительно, в России! Да, русские оказались очень придирчивыми заказчиками, но это искупалось тем, что платили они не только щедро, но и вовремя. Вот и за ледокол «Ермак» предпоследний из платежей пришел на два дня раньше срока. Последнюю часть, сто тридцать тысяч долларов, Петербург заплатит после прибытия «Ермака» во Владивосток – в полном соответствии с договором.

И сразу после этого можно будет приступить к следующему этапу, а он должен принести деньги, существенно превышающие полученные от постройки одного ледокола. Русские хотят, чтобы он, Крамп, построил им на Дальнем Востоке современный судостроительный завод, причем первая очередь должна войти в строй всего через полтора года. Сроки, конечно, жесткие, но вполне реальные, тем более что Крамп решил рискнуть и начал подготовку проекта еще до получения аванса. И оказался прав, ибо из Петербурга уже спрашивали, не помешает ли возведение завода во Владивостоке постройке двух броненосных крейсеров для российского флота в Филадельфии. Ответ уже отправлен: нет, не помешает, высылайте техзадание и делегацию для оперативного решения первоочередных вопросов.

В общем, Чарльз Генри Крамп вполне оправданно смотрел в будущее с оптимизмом.

По другую сторону Атлантики капитан Антон Иванович Деникин в это же время испытывал похожие чувства, но все-таки к надежде примешивалась доля недоумения.

Два года назад капитан, окончив Академию Генерального штаба, тем не менее к нему причислен не был из-за каких-то интриг, проводимых генералом Сухотиным. Деникин, естественно, отправил жалобу военному министру, но очередь до нее, похоже, дошла только сейчас. И хотя она могла быть удовлетворена только с одобрения его величества, все равно было непонятно, почему вызов пришел не из канцелярии военного министра, а из императорского секретариата.

Но вскоре выяснилось, что это было самое начало странностей. В секретариате, расположенном в Зимнем, после проверки документов сообщили, что Деникину надлежит немедленно отправиться в Гатчину, автомобиль уже ждет.

Дорога до Гатчинского дворца отняла меньше часа, и тут документы проверяли уже дважды – сначала при въезде на территорию дворцового комплекса, а потом при входе во дворец. В общем, когда выяснилось, что Деникина примет сам его императорское величество, капитан уже не очень удивился, хотя и не мог взять в толк, зачем это понадобилось.

Император начал именно с этого.

– Не волнуйтесь, Антон Иванович, ваша жалоба полностью удовлетворена, и сейчас решается вопрос, кто виноват в случившемся и как их наказать. Но побеседовать я с вами хочу по другой причине, и давайте без чинов. Меня зовут Александр Александрович. Так вот, начнем мы с того, что я задам вам три вопроса. Первый – в значительной мере риторический. Вам, я думаю, известно, кто такой Денис Давыдов и чем он занимался во время наполеоновского нашествия?

– Разумеется, Александр Александрович.

– Тогда вопрос номер два. Как, по-вашему, подобная тактика может иметь применение в условиях современной войны?

Теперь Деникин ответил уже не сразу, а после примерно минуты раздумий.

– Думаю, что да, однако действенной она будет только в том случае, если война идет на нашей территории. Или на такой чужой, где население поддерживает русских.

– Согласен, но с небольшой оговоркой. Там, где никакого населения вообще нет или его очень мало, тоже может получиться неплохо. И, наконец, третий вопрос. Не возьметесь ли вы сначала за теоретическую, а потом, возможно, и практическую проработку данного вопроса? Место предполагаемых действий – остров Сахалин, противник – японский десант, время – вот тут я не знаю. Раньше чем через пару лет на нас вряд ли нападут и позже чем через десять – тоже.

– Простите, Александр Александрович, но неужели вы опасаетесь японского нападения? Силы же совершенно несоизмеримы, и в Токио это отлично понимают! Или?..

– Нет, сам я ни на кого нападать не собираюсь. Силы же... да, они были несоизмеримы всего десять лет назад. Сейчас у нас еще сохраняется преимущество, но оно уже совсем небольшое. Если темпы развития Японии и России останутся на прежнем уровне, то самое большее через пять лет преимущество перейдет к японцам. Причем я опасаясь, что на самом деле им и двух-трех лет хватит.

– Разумеется, я не буду с вами спорить...

– И зря – извините, что перебил. Если вам кажется, что я где-то не прав, то прошу немедленно сообщать об этом мне, не заботясь о приведении ваших возражений в обтекаемый вид. Я не обидчивый. Продолжайте, пожалуйста.

– Александр Александрович, я не буду с вами спорить потому, что не чувствую себя компетентным в области высокой политики. А по сути дела разрешите вопрос: если вы опасаетесь оккупации Сахалина, то почему бы не оборонять его традиционными методами?

– Потому что война, если она все-таки начнется, тоже будет не совсем обычной. Каковы могут быть цели любой войны?

– Захват чужих или удержание своих территорий, а также получение каких-либо торговых или дипломатических преференций по результатам мирного договора.

– Банальный грабеж забыли, но это не очень важно. Так вот, мне кажется, что цели русско-японской войны, если она все-таки начнется, для обоих противников будут состоять в том, чтобы нанести оппоненту максимальный финансовый ущерб. И проиграет тот, у кого раньше кончатся деньги. Исходя из этого, оборонять территорию, на которой почти ничего нет – ни промышленности, ни особых материальных ценностей, ни даже хоть сколько-нибудь многочисленного населения, – невыгодно. А вот ввести агрессора в неприемлемые расходы путем развертывания партизанских действий – другое дело.

– Но если на Сахалине, как вы говорите, почти ничего нет, то зачем его будут пытаться захватить японцы? Они и свой Хоккайдо толком освоить никак не могут.

– На Сахалине есть уголь, нефть и много чего еще. Все это пока в земле, но японцы наверняка уже задумываются о будущем. И люди найдутся – у них на островах тесно, а население растет. И, главное, в Токио могут считать, что захват Сахалина не потребует больших усилий и расходов. Так вот, я хочу предложить вам сделать так, чтобы наших восточных соседей в конце концов постигло глубочайшее разочарование. Возьметесь?

– Так точно.

– Рад, что я в вас, кажется, не ошибся. Но вы вроде хотели задать еще один вопрос, и я примерно представляю, какой именно. Почему именно вы – неужели не нашлось кого постарше и в более высоких чинах? Или задача настолько мелкая, что для ее выполнения и простой капитан сгодится – так?

– Да, Александр Александрович. Но мне казалось, что эти вопросы явно не из тех, которые следует задавать императору.

– А мне – наоборот, и я готов ответить. Как, по-вашему, у Александра Первого было мало генералов? Однако с задачей справился только Давыдов, который, кстати, тогда был моложе, чем вы сейчас.

– Однако он был уже подполковником.

– Не волнуйтесь, и вы будете. Так вот, задачу предстоит решить совершенно нестандартную, ни в одном уставе не описанную, а для этого молодость не является преградой, скорее наоборот. Важность же вам порученного подтверждается самим фактом теперешней аудиенции. Вы же не думаете, что я лично беседую с каждым капитаном, отбывающим к новому месту службы?

После того как встреча с Деникиным закончилась, император достал из ящика лист бумаги с начерченной на нем таблицей и поставил галочку в одну из клеток.

Таблица, хоть и не имела названия, отражала ход подготовки к грядущей войне. Примерно половина клеток в ней была уже заполнена, но Александр считал, что это еще не повод для неумеренного оптимизма. Ведь вторая-то половина пустая!

Глава 1

Кажется, я уже упоминал, что в обязанности императора в числе прочего входила выдача разрешений родственникам на вступление в брак, и это было зафиксировано в соответствующих документах.

Кроме того, аналогичным образом дело обстояло с верхушкой моих спецслужб. На этот счет никаких письменных указаний, естественно, не было, но сути дела это не меняло. До осени тысяча девятьсот первого года эти процессы шли независимо, но в сентябре ситуация поменялась.

Матильда Кшесинская возжаждала выйти замуж и, как оно положено, обратилась с просьбой по команде, то есть к ее величеству императрице. Ну а Рита доложила мне.

– Давай подробности, – попросил я. – За кого она собралась выскочить?

– За Сергея.

– Хитра, чертовка. И, конечно, хочет, чтобы я не гнал Сережу из России, да еще продолжал платить ему великокняжеское содержание?

– Разумеется, а то зачем бы ей был нужен Сергей Михайлович без всего этого.

Немного подумав, Рита уточнила:

– Маля утверждает, что Сергей сам предложил жениться, добавив, что с ней он готов жить даже в нищете.

– Ага, так он ей и нужен, нищий-то. Могу предположить, что ему ответила исходящая высокими чувствами Малечка. Мол, она слишком любит Сережу, чтобы стать причиной таких жертв. Нет, она сейчас пойдет к императрице, упадет ей в ноги и постарается вымолить, чтобы та походатайствовала перед императором.

– В общих чертах так оно и было. Ты не поверишь, как безутешно она передо мной рыдала.

– С какой стати? – удивился я.

– Ну, я попросила показать, как бы она меня уговаривала, не связывай нас служебные отношения. Получилось очень убедительно, я чуть сама не прослезилась.

– Хорошо, я пока подумаю, как эти обстоятельства можно использовать наиболее эффективно, а ты дня через три приведи Малу ко мне.

То, что Матильда в начале встречи несколько робела, было видно. Все-таки это она с императрицей общалась сравнительно часто и накоротке, а со мной такое поведение осталось в далеком прошлом.

– Надеюсь, ты понимаешь, что твоя просьба весьма неординарна, – на всякий случай уточнил я.

– Да, ваше величество. И готова на все.

– Всего мне не надо, но кое-что действительно потребуется. В принципе я могу разрешить подобное, но только своим верным соратникам. Ты к ним уже давно относишься, а вот Сергей – нет. Пока нет, но еще есть время это исправить. Он должен согласиться работать с тобой в паре и на тех же условиях, что и ты. За верность – все, что в моих возможностях, за предательство – смерть. Да и вообще, работа предстоит очень непростая. Он сможет?

– Да, – решительно ответила Матильда. – У меня – сможет.

– Когда он будет готов к беседе со мной?

– Если без спешки, то через неделю, ваше величество.

– Когда мы одни или только с императрицей, я для тебя Александр.

– Спасибо, Александр. А можно к вам обратиться с просьбой? Когда мы одни или с императрицей, не называйте меня Матильдой или даже Матильдой Феликсовной. Если можно, то, как раньше, Малей или Малечкой.

Вот зараза, подумал я и махнул рукой:

– Ладно, иди... Малечка.

Вообще-то Матильду очень вовремя одолели матримониальные желания. Дело было в том, что я, кажется, наконец разобрался, какую роль хочет предложить Японии Англия.

В Лондоне уже убедились, что вовлечение России в любую войну окончательно оформит русско-германский союз, что, естественно, считалось абсолютно нежелательным. Но если таковое произойдет, то к нему надо быть готовым, и сэрры во главе с королем это понимали не хуже меня. А какая конфигурация стран могла противостоять союзным Германии и России?

Если только Англия и Франция, то сдаваться можно сразу. У Лондона нет хоть сколько-нибудь приличной сухопутной армии, французов немцы неплохо били и без нашей помощи, а с ней уделают еще быстрее и основательней. Морская же блокада будет неэффективной, ибо и сырье, и продовольствие Германия сможет получать из России. Причем германский флот развивается быстрее английского и лет через десять сможет создать серьезные проблемы для Роял Нэви.

Значит, нужны еще союзники. Первое, что может прийти в голову, и мне именно оно и пришло, – Штаты. Но в Лондоне отлично понимают, что на роль младшего партнера Вашингтон не согласится, но зато в качестве старшего выдлит Великобританию досуха. Кроме того, вряд ли американцы так сразу захотят вмешиваться в конфликт с неизвестным исходом. Скорее всего, они посмотрят, кто берет верх, после чего начнут потихоньку помогать тому, кто проигрывает. Чтоб, значит, война затянулась, а прибыли их торговцев оружием возросли. Так что Лондон вряд ли сможет уговорить Штаты на скоординированное выступление.

Всякие там Румынии, Италии и Дании никто всерьез рассматривать не станет, и в Европе из подлежащих окучиванию держав остается только Австро-Венгрия. Вот такой тройственный союз уже имеет какие-то шансы на победу, но весьма невеликие. Однако если в спину России ударит Япония, то они заметно возрастут. В общем, я склонялся к подозрению, что в Лондоне решили совместить Русско-японскую и Первую мировую войны, но тут была одна тонкость. Она заключалась в том, что Франция отчаянно трусила. И не без причины.

В Париже хорошо понимали, что, как бы ни закончилась война, за время ее протекания большая часть Франции окажется в руинах, ведь основные боевые действия будут, скорее всего, разворачиваться на ее территории. Да и многие еще ясно помнили, каково оно, воевать с Германией. Поэтому Франция не теряла надежды как-то ухитриться привязать к себе Россию, причем настолько, что иногда даже позволяла себе огрызаться на окрики из Лондона.

Так вот, подумал я, а что, если дать лягушатникам реальную надежду? Ну, почти реальную, с виду и не отличишь. Пусть великий князь Сергей для всех станет ближайшим другом императора, его доверенным лицом и чуть ли не фаворитом. Тогда ведь французы, найдя к нему подход через Малю, из шкуры наизнанку вывернутся! Из финансовой, я имею в виду. А это будет очень ко времени, ибо с деньгами у меня, как всегда, ощущается напряг. Да и раздрай в рядах будущих союзников тоже лишним не станет.

Оставалось только понять – сможет ли Сергей, пусть и при всемерной поддержке своей ненаглядной Матильды, сыграть такую роль?

Так что я ждал нашей встречи даже с некоторым нетерпением.

В качестве небольшого аванса прием состоялся в верхнем кабинете, то есть на третьем этаже Арсенального каре. Это был знак особого расположения, потому как из всех моих родственников чести побывать тут пока удостоились только Рита, Мишка и Сандро с Ксенией.

Правда, переходить на «ты» я Сергею пока не предложил. А просто взял и честно рассказал, чего я от него хочу, что смогу дать взамен в случае лояльности и что заберу, если она вдруг когда-нибудь кончится.

– Ничего особенного, – уточнил я, – только жизни и имущество. Ваши с Матильдой Феликсовной. Распространять ли это на ваших будущих детей, я еще не решил.

Было забавно наблюдать, как при этих словах изменилась физиономия визитера. Разумеется, Маля уже ему пересказала суть моего предложения, но он, наверное, надеялся, что любимая преувеличивает. А она, оказывается, даже слегка преуменьшала!

– Я согласен, – вздохнул Сергей, – но позвольте задать один вопрос. Неужели правда, что родственные узы для вас ничего не значат?

– Сами по себе – действительно почти нет. Если они подкреплены совместной со мной работой на благо России, то только тогда становятся по-настоящему крепкими. Когда родственники заботятся только о своем благополучии, но не задевают при этом моих интересов, мне они безразличны. Ну, а уж если кто-то ухитрится эти интересы задеть, родственные связи начинают работать как отягчающее обстоятельство. Например, вспомните дядю Алексея. Я не буду уточнять, от чего именно он помер, но сделано это было очень вовремя. Зато вдовствующая императрица для меня ныне – любимая и уважаемая мать. Она вовремя поняла реальную обстановку, и теперь наши отношения практически безоблачны. Вот видите, Сергей, насколько я с вами откровенен? Это потому, что действительно надеюсь – вы сможете стать мне родственником не только по факту рождения.

Так, подумал я, накал патетики пора снижать, а то ведь могу не выдержать и ухмыльнуться в самом неподходящем месте.

– Ладно, хватит о грустном. Давайте лучше подумаем, за какие заслуги Матильде Феликсовне будет пожалован графский титул, дабы ваш брак не выглядел совсем уж неприлично. А потом сделать ее светлейшей княгиней я смогу и без всяких поводов, прецеденты уже были.

Ну да, именно так Александр Второй сделал из княжны Екатерины Долгоруковой светлейшую княгиню Юрьевскую. Правда, она уже давно была его любовницей. Но ведь многие, в том числе и Сергей, считают, что и Маля когда-то давно была моей! Так что все нормально, не будем создавать трудностей на ровном месте.

– Итак, – сказал я после небольшой паузы, – надеюсь, что отныне у меня появился еще один настоящий родственник. Вам надлежит начать впрягаться в государственные дела. Ваш отец, великий князь Михаил Николаевич, в силу почтенного возраста уже испытывает определенные трудности с исполнением обязанностей генерал-фельдцейхмейстера. Подумайте, чем вы можете ему помочь, имея в виду, что скоро главным в российской артиллерии придется становиться уже вам.

Исключительно для публики, мысленно закончил я свою речь. Если Сергей не дурак, то и сам это скоро поймет. Но вряд ли он обидится – во всяком случае, Маля обещала такого не допустить. Впрочем, какую-то малую толику реальных полномочий ему, пожалуй, дать придется. А то вдруг балерина ему все-таки не застила весь свет и осталась маленькая щелка для честолюбия! И если не дать ему выхода, то в конце концов может получиться нехорошо. Как совсем недавно с Поляковым. Врач написал в заключении, что Лазарь Соломонович скончался вследствие приступа грудной жабы. С моей точки зрения, это была чистейшая правда! Жаба его, гада, задушила, решил навариться на кризисе. Не греб бы он так борзо под себя, нарушая наши договоренности, – до сих пор бы был живехонек.

Конечно, я надеялся, что к Сергею такие меры применять не придется, но если он потеряет берега, то о его своевременной кончине позаботится сама Маля, с ней это уже обговорено. Хоть и мелочь, а все экономия для бюджета.

Однако на этом брачные новости не закончились. Дней через десять после встречи с Сергеем мне позвонили из бюро пропусков и сообщили, что без всякого предварительного уведомления приехала моя младшая сестра Ольга. И вот, значит, теперь она там сидит и ревет в три ручья.

– Проводите ее ко мне наверх, – приказал я. В чем тут дело, мне в общем-то было уже известно.

Маман взбрело в голову выдать дочь замуж за принца Ольденбургского. Единственное его достоинство состояло в том, что он жил в России – и, значит, Ольге не придется никуда уезжать. Зато все остальное представляло собой сплошные недостатки. Принц был старым, потасканным, лысым и не сказать что умным. Кроме того, Рита сообщила – ходят слухи о его нетрадиционной ориентации. В общем, мне не понравилось, что мою сестру хотят выдать черт знает за кого, да еще не посоветовавшись со мной и не спросив ее собственного мнения, и я приказал, чтобы слухи побыстрее дошли до Ольги. Вот они, похоже, и добрались.

Вытерев сестре слезы и вообще успокоив (между прочим, девятнадцать лет человеку, могла бы реветь хотя бы без соплей), я спросил:

– Так, значит, жених тебе совсем не нравится?

Ольга энергично закивала.

– А кто нравится?

Казалось бы, самый естественный вопрос, но он поставил сестру в тупик.

– Пока никто, – сообщила она, шмыгнув носом. – Так ведь и нет в России никого равнородного! А уезжать я не хочу.

– И правильно, нечего там, в Европах, делать. Значит, что уж тут поделать – ищи неравнородного. Если найдешь хорошего и способного продуктивно работать на благо державы, дам разрешение на брак.

– Как... я сама должна искать?

– А кто за тебя это будет делать? Нам с Ритой некогда. Маман тебе уже одного жениха нашла. Мало? Могу разве что Мишку попросить.

– Нет, спасибо, – улыбнулась Ольга. – Значит, сама? Но я же не умею!

– Обратись к супруге моего порученца, Юлии Рогачевой, – хмыкнул я. – Или к ее сестре Матильде. Эти мигом научат.

Мой ответ, разумеется, не был импровизацией. Мне уже давно хотелось внести изменения в уложение об императорской фамилии, ибо пункт о равнородстве вступающих в брак в нынешних условиях резко ускорял деградацию той самой фамилии из-за большого числа близкородственных браков. Ладно, мне еще повезло, жена умная и даже почти красивая, дети, тьфу-тьфу, здоровые, но на ком им жениться и за кого выходить замуж, когда вырастут? При чем я точно знал – когда в будущем аристократия почти во всех странах отвергла тезис о равнородстве, ничего страшного не случилось. Скорее наоборот. И, значит, следовало начинать готовить общественное мнение к грядущим переменам в данной области. Про окна Овертона, то есть принцип постепенного расширения пределов допустимого, многие в двадцать первом веке слышали, и я в том числе, – вот, значит, пора теперь применять когда-то полученные знания на практике.

В общем, на вечерней беседе с Рогачевым я ему сообщил:

– Возможно, к Юле скоро подойдет моя сестра Ольга на предмет помощи в поиске мужа. А у меня тут лейб-медик доктор Боткин неженатый! Нельзя ли поспособствовать, чтобы она в конце концов нашла именно его? С Ритой я это уже согласовал, а на днях поговорю и со вдовствующей императрицей.

Да, подумал я, матери в числе прочего надо будет объяснить, что если бы она дала себе труд сначала посоветоваться со мной, а только потом втюхивать Ольге жениха, то и я бы побе-

седовал с ней перед тем, как ставить задачу Михаилу с Юлией. А так – что получилось, то получилось. Пусть учтет на будущее.

Глава 2

Вскоре произошло беспрецедентное событие – в Гатчине не осталось ни одного величества.

Я отбыл в Подольск, где завершались сдаточные испытания первого и в России, и в мире борта номер один. То есть дирижабля, на котором я собирался летать на расстояния примерно до двух тысяч километров. Он был сравнительно небольшим, объемом всего семнадцать тысяч кубов, и мог поднять две тонны полезного груза, не считая полной заправки топливом.

Пока это был единственный аппарат, который предполагалось надувать гелием – больно уж дорогое это оказалось удовольствие. Для заправки конкретно этого дирижабля, например, требовалось восемь двадцативагонных эшелонов с монацитовым песком, так что остальные пока подождут хоть какого-то удешевления гелия, которое сможет произойти не раньше, чем добыча природного газа приобретет промышленные масштабы.

А Рита наконец-то отправилась погостить на родину, в Германию. Причем без меня – пусть в европейских столицах гадают, между кем и кем пробежала черная кошка. Я поссорился с Вильгельмом или Маргарита поругалась со мной? Опять же надо облегчить французам подход к Рите – мало ли, а вдруг они догадаются ей что-нибудь предложить. Да и засиделась жена дома, пусть маленько развеется, возраст детей уже позволяет оставить их на пару недель с няньками и воспитателями.

Дирижабль мне понравился, хотя ничего нового я не увидел, ибо сам принимал деятельное участие в его проектировании. По уровню комфорта он, конечно, до царского поезда не дотягивал, но я надеялся, что этот борт превзойдет поезд по уровню безопасности. А то ведь под ним эсеры однажды уже ухитрились взорвать мину! Правда, меня в числе пассажиров того поезда не было, я ехал в обычном коротком техническом составе, следующем первым, да и ущерб получился не очень серьезный, но все равно неприятно. Зато дирижабль, летящий на высоте двух-трех километров, сейчас с земли не достанешь. Да и летает он все же раза в два быстрее, чем едет поезд. А если спешить, невзирая на повышенный расход топлива, то и в три.

В общем, я возвратился в Гатчину почти как советский человек, то есть с чувством глубокого удовлетворения в душе, а через три дня вернулась жена из Германии.

Естественно, сразу по возвращении из вояжа Рита дотошно отчиталась обо всем, могущем представлять интерес. И в самом конце отчета заявила:

– Если бы я была просто твоей женой и ездила только повидаться с братьями и сестрами, то, пожалуй, об одной интересной встрече умолчала бы. Но так как я еще и директор особой сервисной службы при твоем величестве, то докладываю: в Берлине мне удалось познакомиться с одной очень интересной женщиной, к тому же давно тебе знакомой, и она согласилась работать на нас. Собственно, ее даже и уговаривать не пришлось, сама предложила. И сразу сообщила, что за это ей уже выплатили аванс французы. Догадываешься, о ком речь?

– О Марине?

– Разумеется.

– Само собой, ты допускаешь, что на самом деле она работает именно на Францию, а может, даже на кого-то другого, и ее подход к тебе есть просто выполнение задания.

– Дорогой, неужели ты все еще подозреваешь меня в доверчивости? Очень даже допускаю, и над планом проверочных мероприятий уже работают. Но интуиция мне подсказывает, что Марина была со мной искренна – она хочет вернуться в Россию, причем не просто так, а с оцененными заслугами. Кстати, у тебя еще бывших любовниц не осталось? У меня вечный кадровый голод, а тут какую ни возьми – ценнейшее приобретение.

– К сожалению, нет. Хотя... вот ведь зараза, чуть не забыл! Была одна такая, настоящего имени не помню, все ее звали Лиззи. Восемьдесят пятый год, если не путаю. Она примерно на год старше меня.

– Так ты что, ухитрился забыть свою первую женщину? – поразилась Рита. – Нет, я, конечно, за одиннадцать лет совместной жизни тебя неплохо узнала, но такого все-таки представить не могла. И можешь не трудиться, я знаю, что ты мне собираешься сказать.

– М-м?

– Ну, в моем присутствии ты готов забыть не только про первую, но и вообще про всех женщин на свете. Угадала?

– Как всегда. И план проверки, когда он будет готов, ты мне покажи.

– Обязательно. А на ее фотографию посмотреть не хочешь? Сделано при мне, по методу Прокудина-Горского, в цвете. Или боишься?

– Боюсь, но смотреть все равно буду.

Причина для опасений у меня действительно была, но не совсем та, какая наверняка пришла в голову Рите. Дело в том, что аналог Марины в будущем, Маришка Вереш, была несравненной красавицей только до двадцати восьми лет. Потом как-то быстро стала просто сравнительно интересной дамой, причем выглядевшей старше своего возраста, но продержалась в таком виде не очень долго, а дальше стало совсем плохо. Вот я и опасался увидеть первые признаки чего-то подобного.

Как выяснилось, зря. В свои тридцать с небольшим лет Марина уже не очень напоминала тридцатилетнюю Вереш. Она была гораздо красивее. Конечно, следовало учесть, что Марина наверняка тщательно подготовилась к съемке, но результат все равно поражал воображение. Во всяком случае, мое. Но так как не только мне, но и моему организму было уже далеко не восемнадцать лет, я грозно сказал воображению «брысь!», и оно послушно сдулось.

– А ведь тебе повезло, что вы с ней вовремя расстались, – заметила жена.

– Да, я в курсе, но ты, если не трудно, все-таки обоснуй.

– Я, как ты знаешь, спокойно отношусь к тому, что в нашем союзе главный – ты, а я ведомая. Меня это вполне устраивает. Для Марины же такой подход неприемлем. Она – лидер, как и ты. И если бы ваши отношения продлились еще хотя бы года три, вы или возненавидели бы друг друга, или, что менее вероятно, ты оказался бы у нее под каблуком. Как сейчас Георгий, но он не имеет ничего против и поэтому счастлив. Кстати, ты, по-моему, и без ее инициативы обещал им со временем разрешить вернуться в Россию, я ничего не путаю?

– После рождения второго наследника.

– Ну так и чего ж мы сидим, как неродные? Двенадцатый час ночи, а мы тут беседуем о возвышенном. Я, между прочим, соскучилась.

Надо сказать, что и в России, и в мире уже больше года продолжался экономический кризис. Так как я не удостоился чести оказаться в числе готовивших его лиц, то и сверхприбылей мне получить, естественно, не удалось. Да и не больно-то хотелось. Гораздо более важным для меня было взятие под полный или частичный контроль новых предприятий в ключевых отраслях, а с этим все обстояло неплохо.

После резкого обвала акций удалось довольно дешево приобрести контрольный пакет «Бакинского нефтяного общества», и на его предприятиях уже началась модернизация. Вот с «Товариществом братьев Нобель» так пока не получилось, но все же мне через подставных лиц удалось приобрести и некоторое количество их акций. Правда, хотя предприятия и скупались по дешевке, но все же не даром, поэтому я, как говорится, уже слегка поиздержался. В общем, кризис развивался стандартно – бедные становились еще беднее (а по сравнению с семейством Ротшильдов я действительно был бедноват), богатые богатели. Ну и денег, естественно, не хватало многим, не только мне. Причем некоторым их не хватало очень сильно.

Например, заказ у Крампа в конце концов обошелся нам почти на треть дешевле, чем предполагалось в девяносто восьмом году, правильно я тогда решил не спешить. И оборудование для Русско-американской геолого-технической компании тоже встало не в такую копеечку, как могло бы, а она ведь расширяла золотодобычу в Южной Африке, где пока так и не началась война.

Правда, кризис обострил социальные противоречия в России, из-за чего мне и моим доверенным родственникам опять пришлось перейти в режим показного аскетизма. Маман была не очень довольна, но я не пожалел двух часов на обоснование необходимости подобного шага, и она, кажется, в конце концов поняла. Сандро – тоже, а остальные, похоже, собирались продолжать наступать на те же грабли, что были впервые опробованы ими во время голода десять лет назад.

Понятное дело, рост социальной напряженности привел к росту популярности Чрезвычайной комиссии по правам человека, возглавляемой Ульяновым. Уж что-что, а значение пиара он понимал прекрасно и не упускал случая отметиться на страницах прессы. И вот, значит, в середине лета тысяча девятьсот первого года он представил мне обширный доклад, посвященный еврейскому вопросу в России. Так как я прочитал его, пока он был еще в черновике, то, быстро просмотрев – не появилось ли чего нового, – спросил:

– И каковы, Владимир Ильич, будут ваши предложения?

– Как можно быстрее отменить черту оседлости, как не соответствующую...

– Спасибо, я в курсе, что это не образец национально-религиозной терпимости, однако хотел бы услышать более весомые аргументы, нежели те, что вошли в доклад. Более прагматичные и не столь возвышенные, ведь они у вас наверняка есть.

– Ну конечно, Александр Александрович. Первый из них – черта оседлости все равно толком не работает. Мало ли иудеев в Москве и Питере? По-моему, уж всяко больше, чем в Бердичеве. И второй – как вам, наверное, уже донесли, недавно я имел беседу с господином Львом Нойманом, представителем французской ветви Ротшильдов. Так вот, он сообщил, что его поручители не пожалеют денег на улучшение положения своих соплеменников в России. До согласования конкретных сумм дело еще не дошло, но Лев Иосифович заявил, что они будут шестизначными. В рублях, разумеется, а не франках.

– Жалко, что не в фунтах, – вздохнул я. – Надеюсь, вы понимаете, что на личные и партийные нужды можно будет тратить только половину полученного, а остальное сразу передать мне?

– Да, Александр Александрович, хотя, скажу честно, такое положение дел особого восторга у меня не вызывает.

– Это просто оттого, что вам пока не требовалась моя защита. Как понадобится, небось подумаете, что не грех было бы заплатить и побольше. А она обязательно понадобится в связи с вашими все увеличивающимися разногласиями с партией социалистов-революционеров, это люди серьезные. По поводу самой черты я с вами согласен, однако отменять ее следует поэтапно – естественно, сразу же обнародовав график той самой отмены. Начнем с востока и пойдем на запад по два часовых пояса в год.

– По три, – мгновенно отреагировал Владимир Ильич. – Пять лет для столь актуальной программы – это непозволительно много.

– Ладно, не буду торговаться, три так три. А вы, пожалуй, потихоньку начинайте кампанию в прессе на тему о том, как ваша РСДРП совместно с ЧК намерены бескомпромиссно бороться с самодержавием за права угнетаемых наций.

– Александр Александрович, дорогой, я же не первый день в политике! Статьи уже пишутся. Но было бы неплохо, чтобы на некоторые из них наложила запрет цензура.

– Не вопрос, свяжитесь с Зубатовым и уточните, какие именно следует не пропустить, я его предупреджу.

Когда Ильич ушел, я встал и прошелся по кабинету. Нет, с первого взгляда мотивы председателя ЧК и по совместительству главы РСДРП понятны – на борьбе за права угнетаемых евреев его партия доберет популярности, а если учесть, что за это еще и заплатят, то все совсем замечательно. Но дело в том, что будущий вождь пролетариата не мог не учитывать долгосрочной перспективы, а она не столь безоблачна, как может показаться. Он почти правильно заметил, что на самом деле черта оседлости почти не работает. Вот только забыл уточнить, что не работает она очень избирательно и большей частью вполне официально. В соответствующих документах черным по белому написано, что селиться за пределами этой черты имеют право купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, медицинский персонал и даже, блин, «лица свободных профессий»! То есть реальная граница возможного жительства определялась исключительно толщиной кошелька, и запрет касался только тех евреев, чья бедность находилась в процессе перехода в откровенную нищету. Сейчас эти слои населения являются кадровым резервом для социал-демократов, но при отмене черты оседлости партия может большее число из них потерять, причем Ильич этого не понимать не может. Похоже, тут где-то зарыта собака, и меня собираются слегка, так сказать, использовать в личных целях. Вот только как именно это будет происходить?

А, ладно, мысленно махнул рукой я. То, что черту оседлости надо отменять, давно ясно и без Ленина. Интересно, Ильич уже догадался о той функции, которую выполняет его ЧК в механизме управления империей? Вообще-то не обязательно, он же по образованию и складу характера гуманитарий, а функция чисто техническая. Называется – гаситель колебаний, то есть демпфер. Очень полезная вещь, особенно в механизмах, или склонных к автоколебаниям, или испытывающих хаотические внешние нагрузки, а ведь империя – это как раз такой механизм, в котором есть оба признака. Кстати, в другой истории Ильич как-то сравнил российское самодержавие с телегой. Так вот, если телегу снабдить нормальной подвеской и хорошими амортизаторами, то есть демпферами, то она поедет заметно лучше. И, наоборот, если с хорошего автомобиля снять амортизаторы, то автомобилем он, конечно, останется, зато хорошим быть перестанет.

То есть как только в обществе обнаруживался очередной перекосяк, Чрезвычайная комиссия поднимала шум, привлекала всеобщее внимание и тем самым заметно снижала скорость развития процесса. Что мне, собственно говоря, и требовалось. Но все же, что такое хитрое потенциальный Ленин хочет замутивить с евреями, хотелось бы знать? Неужели в нем дали о себе знать гены матери, в девичестве Марии Бланк?

А Владимир Ильич все никак не унимался и через несколько дней даже предложил мне принять товарища Арона Кремера, члена РСДРП и одного из основателей Бунда.

– Это сразу покажет евреям, что власть всерьез намерена отойти от политики их угнетения к налаживанию диалога, – заявил он.

– Таки вы в этом уверены? Хорошо, зовите. Надеюсь, его для беседы не придется вытаскивать с каторги или из тюрьмы? Я хоть и самодержец, но все равно злоупотреблять подобным не стоит.

– Нет, он недавно освободился.

В общем, после беседы с этим ленинским протеже численность ЧК увеличилась еще на одно лицо. Кремер оказался умным человеком, да к тому же с инженерным образованием, так что мы быстро нашли общий язык. Правда, поначалу ему слегка мешало лицемерие моей самодержавной морды при мундире средней степени парадности, а мне – то, что визитер выглядел, как помесь Троцкого с обезьяной, но оба, будучи сравнительно культурными людьми, предпочли не обращать внимания на мелкие внешние недостатки собеседника. И, значит, в конце концов Арон Иосифович согласился принять участие в подготовке документов о поэтап-

ной отмене черты оседлости в России. А потом, если я в нем не ошибся, в ЧК появится новый отдел – экономический, и Кремер его возглавит.

Уже через пару месяцев стало ясно, что это довольно перспективный кадр – даже странно, что в прошлой жизни я о нем ничего не читал и не слышал.

Глава 3

После нескольких ненастных дней наконец-то установилась хорошая погода, и почти вся Ярославская летная школа искренне этому радовалась. Почти – это потому, что предстояли экзаменационные полеты, и не все курсанты чувствовали себя полностью готовыми к ним. А тут еще в помощь местным инструкторам прибыли два пилота – аж первого класса – из самой Гатчины! Штабс-капитан и ротмистр. Ясное дело, многие волновались, и курсант Алексей Чеботарев был в их числе.

Школа, хоть и называлась Ярославской, располагалась в восьми километрах восточнее городка Бежецка, а название такое имела, как объяснило начальство, из соображений поддержания секретности. И вот теперь курсанты, прошедшие в ней полуторагодовой курс обучения, должны были продемонстрировать, чему они за это время научились.

Алексей не без оснований в глубине души считал себя невезучим, ибо в силу природной наблюдательности давно заметил, что если с ним может приключиться какая-нибудь неприятность, то она не заставит себя долго ждать. Поэтому он не очень удивился, узнав, что контрольный полет у него будет принимать пилот из Гатчины. «Ну что же, в очередной раз не повезло», – мысленно вздохнул курсант. Говорили, эти приезжие летают как боги, а некоторые шепотом добавляли, что их учил сам император. Но как бы там оно ни было на самом деле, с высоты такого мастерства умения курсантов будут смотреться весьма бледно. Небось завалит, и хорошо, если придется всего лишь проучиться еще полгода дополнительно, но могут ведь и отчислить.

Вообще-то молодой человек был не совсем прав в своем пессимизме. Гатчинские гости приехали за лучшими выпускниками и принимали экзамены у тех, кто, по мнению руководства школы, подавал определенные надежды.

Полет должен был проходить по треугольному маршруту Бежецк – озеро Великое – Кашин – Бежецк. Поначалу все шло штатно, но сразу после поворота над озером впереди, немного правее курса, показался грозовой фронт. И перед Алексеем встала дилемма – прямо отсюда возвращаться на аэродром, сильно сократив маршрут, или все-таки попытаться пройти по краю грозы?

– Принимаю решение продолжать полет по маршруту, – сообщил курсант в переговорную трубу. Проверяющий молчал, и Алексей понял это как одобрение. Инструктор и не должен был вмешиваться без крайней необходимости, причем для получения курсантом отметок «хорошо» или «отлично» требовалось, чтобы такая необходимость в полете не возникала. «Похоже, у меня пока все хорошо», – подумал Алексей, но не успел даже мысленно сплюнуть через левое плечо, как понял, что радоваться рано. Как он вообще ухитрился прозевать второй облачный фронт, на сей раз справа? Наверное, потому, что смотрел в основном на тот, что был слева, а теперь приходилось лететь между двух постепенно смыкающихся облачных стен. И почему молчит проверяющий – неужели он, Алексей, все делает правильно? Наверное, он считает, что человек, претендующий на звание пилота, должен уметь летать в любую погоду. Хорошо, если так, но дальше-то что? Еще минута – и самолет залетит в облака. Правда, насколько курсант успел заметить, впереди они, похоже, снова разойдутся, но километра два точно придется лететь вслепую. Снижаться? Но неизвестно, какова высота нижней кромки облачности, а сейчас хоть есть запас, на альтиметре два километра, а это значит, что реально меньше тысячи восьмисот быть не может никак.

Слепые полеты в программу обучения не входили, но Алексей как-то раз во время обычного учебного полета примерно на минуту закрыл глаза, и ничего особенного не случилось.

Вот только курсант не учел, что полет в идеальных условиях, когда самолет летит практически сам, и вплотную к грозовому фронту – это разные вещи.

Как только «У-2» влетел в облака, началась свирепая болтанка, и уже через полминуты Алексей потерял всякое представление о своем положении в пространстве. «Да что же молчит проверяющий, он там помер, что ли? Если так, то тогда и мне недолго осталось», – мрачно подумал курсант и вдруг почувствовал, что он повис на ремнях. Отрицательная перегрузка или уже полет вверх колесами?

Разумеется, таким режимам полета курсантов не учили. Да и вообще мотор в подобном положении работать не мог – карбюратор переставал подавать топливо. Что курсант почти сразу пронаблюдал в натуре: двигатель, чихнув пару раз, заглох. И тут Алексей вспомнил, что им говорил инструктор школы почти перед каждым полетом:

– Ребята, наш «У-2» – совершенно уникальная машина. В какое бы неестественное положение вы его ни загнали, бросьте управление, и он сам выправит траекторию! Даже из штопора выйдет, лишь бы высоты хватило.

«Похоже, я именно в штопор и сорвался», – подумал Алексей и – будь что будет – снял ноги с педалей и бросил ручку. И тут она вдруг – чудо! – сама пошла вперед, педали задвигались, а из переговорной трубы, подобно грому небесному, донесся рев инструктора:

– Не лезь к управлению, дурень, я выведу! И верти ручное магнето, на одном моторном движок не заведется, хоть его и крутит встречным потоком!

Не успев толком удивиться чудесному воскрешению проверяющего, Алексей принялся изо всех сил крутить ручку магнето. И вскоре мотор завелся! А потом и самолет более или менее выправился и полетел почти прямо.

Слепой полет продолжался минут десять, а потом в облаках начали появляться просветы, и вскоре Алексей увидел сразу и небо, и землю.

– Курсант, не сидите истуканом, лучше определите, куда мы залетели! Если сможете, конечно, – снова донеслось из переговорной трубы.

Алексей развернул планшет с картой и начал всматриваться вниз. Так, впереди река, а такая широкая тут может быть только одна – Волга. И городок. Калязин? Нет, не похож... тогда какие тут еще есть?

– Впереди Кимры, господин штабс-капитан!

– Молодец. А теперь рассчитайте курс для возвращения на аэродром.

– Триста сорок градусов.

– Вам мало было одного захода в грозу, что вы захотели туда вернуться?

– Ой, не подумал... тогда вдоль Волги до Калязина, а от него курсом триста, там будет девяносто пять километров до аэродрома.

– Согласен, – буркнул проверяющий и замолчал, не передавая управления курсанту.

Самолет летел вдоль Волги, грозовые облака остались позади, а впереди показалась хорошо заметная колокольня. Инструктор развернулся на курс триста градусов и спросил:

– Курсант, отсюда довести машину до аэродрома сможете?

– Так точно!

– Тогда берите управление. Если от меня не поступит дополнительных указаний, сажать тоже будете сами.

И обратный полет, и посадка прошла без замечаний. Инструктор, сдав машину техникам, сразу куда-то ушел, а Чеботарев остался в тягостном недоумении: сдал он все-таки экзамен по пилотированию или нет? И если сдал, то на какую оценку?

Уже ближе к вечеру Алексей с удивлением узнал, что получил «отлично». И, набравшись смелости, подошел к проверяющему.

– Ваше благородие, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, курсант.

– Извините, но я не могу ничего понять про тот полет...

– Да все просто, парень. Я, хоть по сравнению с тобой и опытный, но все равно дурак, в ночь перед полетом не выспался, решил, что ничего страшного. А помнишь, какая была погода при взлете? Ни облачка, ни ветерка, даже турбулентности – и той не было. И пилотировал ты вполне прилично. Ну, я и задремал. Просыпаюсь – что за черт? Гром, молния, видимость ноль, самолет валится вниз, мотор стоит. Ну я и начал на тебя орать. А ты молодец, не запаниковал и не растерялся. В общем, не волнуйся, «отлично» тобой вполне заслужено. И, надеюсь, ты запомнил, что грозу всегда надо обходить по широкой дуге, а в случае невозможности – возвращаться?

– Да, ваше благородие.

– Вот и отлично. Всем четверым из вашей школы, получившим высокий балл, предлагается служба в первой боевой эскадрилье. Командир – я. Согласен послужить под моим началом?

– Так точно, ваше благородие.

– Тогда привыкай – у нас без чинов, по именам друг друга зовем. Я – Андрей Васильевич, фамилия Зайцев.

– А... ваше... Андрей Васильевич, в этой вашей эскадрилье мы на чем летать будем – на самолетах или дельтапланах?

– На самолетах, причем таких, коих ты еще не видел. На каких именно, пока не скажу – у тебя допуска нет. Пока ты гуляешь в отпуске, его как раз и оформят, тогда все узнаешь.

– Далеко хоть служить-то придется?

– Курсант, а точнее, уже почти прапорщик, тебе же ясно сказано: получишь допуск и все узнаешь. А пока ты с завтрашнего дня и по первое августа включительно в отпуске. Второго утром чтобы был здесь как штык! Иди в канцелярию, там твои документы и отпускные с подъемными уже готовы.

Кроме проездных документов и денег, Алексей получил еще и памятку – что ему можно говорить о своей учебе в школе, чего не рекомендуется, а о чем нельзя упоминать даже вскользь. И хотя он все это давно знал, ибо курсантов инструктировали перед каждым увольнением в город, прочитал инструкцию еще раз.

Итак, он учился и выучился на механика по обслуживанию дельтапланов. Самолеты видел, «М-1» и «М-2», то есть паровые системы господина Можайского одноместный и двухместный, но близко к ним не подходил. И, естественно, не летал на них. Зато пару раз поднимался пассажиром на дельтаплане. Кстати, все по большому счету являлось правдой. Чеботарев действительно только видел паровики – на очень качественно отпечатанных картинках. И за время учебы два раза поднимался в воздух на дельтаплане.

Про «У-2», да и вообще про самолеты с двигателем внутреннего сгорания, даже мельком упоминать категорически запрещалось. Зато можно было сколько угодно и с любыми подробностями рассказывать про дирижабль, три раза в год прилетающий на аэродром из Подольска.

Отпуск пролетел быстро, и уже двадцать девятого июля (с запасом, чтобы не дай бог не опоздать) Чеботарев прибыл в расположение летной школы. После чего трое суток маялся в общежитии, ожидая прилета дирижабля. Кстати, это оказался не старый знакомый «Пегас», а какой-то новый – большой, четырехмоторный, с алюминиевой обшивкой гондолы и с необычным названием «Z-4».

– Совместное с Германией производство, – объяснил словоохотливый бортмеханик воздушного корабля. – Корпус немецкий, моторы и вся начинка наши.

– А куда мы полетим, если не секрет?

– Пока не взлетели, действительно секрет. Вот как наберем высоту и ляжем на курс, подходи ко мне, расскажу.

Эскадрилья, где предстояло служить прапорщику Чеботареву, базировалась на Южном Урале, неподалеку от поселка Ишимбаево. Полет туда продолжался семнадцать часов, то есть, взлетев с рассветом, дирижабль достиг места назначения поздним вечером.

Бывших курсантов встречал сам командир эскадрильи Зайцев, который за время их отпуска лишился звездочек на погонах, то есть стал просто капитаном, без приставки «штабс».

– Так, ребята, – сказал он, когда прибывшие представились, – видите вон те домики? Второй со стороны аэродрома ваш, комнаты сами поделите. Так что хватайте свое барахло и идите заселяться, а к восьми утра приходите в штаб, это вон то зеленое строение рядом с вышкой. С началом службы вас, орлята!

Алексею очень хотелось спросить «а где же самолеты?», но он сдержался, ибо знал, что ответ будет типа «не волнуйтесь, когда надо будет, вы их увидите». Хотя, конечно, интересно – где их ухитрились спрятать? Ангар еще не достроен, на летном поле и около ничего нет, неужели под землей? Правда, за штабом стоят две большие палатки, но самолеты там все равно не поместятся. Или они очень маленькие?

Ответ на свой невысказанный вопрос Алексей получил следующим утром. Оказалось, что самолет все-таки стоит в палатках. Один сразу в двух. Крылья отдельно, фюзеляж отдельно. А моторы только что привез дирижабль, на котором прилетели бывшие курсанты. Так вот, значит, что было в тех четырех здоровых ящиках! Но неужели этот таинственный самолет четырехмоторный?

– Нет, всего двух, – ответил капитан. – Два – запасные, ведь их ресурс существенно меньше, чем у планера. Вот общий вид, смотрите. Самолет называется «МО-Ш», то есть разработка конструкторского бюро имени Можайского, штурмовой. Неофициальное название – «мошка». Моторы очень похожи на те, что стоят на «У-2», но их объем немного увеличен и повышена степень сжатия, поэтому мощность каждого не сто, а сто тридцать пять сил. Схема самолета – подкосный высокоплан, а не биплан, что позволило снизить лобовое сопротивление. Максимальная грузоподъемность – полтонны, с полным запасом горючего – двести пятьдесят кило. Максимальная скорость – двести десять, крейсерская – сто восемьдесят. Вооружение – два курсовых пулемета системы Мосина и бомбы. Отсек для них находится точно под лонжероном крыла. Кстати, парни, кто скажет, почему именно там? Ведь его люк создает немалые трудности для обеспечения должной прочности нижнего крепления подкосов и шасси.

– Чтобы бомбы располагались точно по центру тяжести и их наличие или отсутствие не влияло на центровку, – тут же ответил Алексей.

– Правильно. И вот что я вам еще скажу, орлята. До сих пор российский военно-воздушный флот был чисто учебным, но наконец-то те, кто пришел в летное дело первым, более или менее выучились. И конструкторы, и пилоты, и механики. Наша отдельная эскадрилья – первая по-настоящему боевая часть будущего могучего воздушного флота. Самолет пока только один, да и то вам же его придется сначала собрать под руководством заводской бригады. Он двухместный учебный, а первые три боевых будут готовы к ноябрю. В общем – вперед, орлы! Вам есть чем гордиться, ведь вы – пионеры не только российской, но и мировой военной авиации.

Глава 4

Меньше чем через месяц после возвращения Риты из Германии нам с ней пришлось ехать туда уже вдвоем – на похороны ее матери, вдовствующей императрицы Виктории. Вообще-то болела она уже давно, но померла как-то неожиданно, почти сразу после того, как врачи две недели назад заявили о существенном улучшении ее здоровья.

Вопросов о том, ехать нам или не ехать, не возникало. Для Риты это какая-никакая, но все же мать, для меня – теща, во время всех наших редких личных встреч старательно делавшая вид, что одобряет брак своей младшей дочери. Да и с дипломатической точки зрения проигнорировать такое событие было бы просто неприлично, так что я вздохнул и приказал срочно готовить борт номер один к первому международному перелету, благо у Вильгельма недавно появился нормальный аэродром для приема дирижаблей. Тащиться на поезде не хотелось – во-первых, долго, а во-вторых, эсеры, несмотря на множественные аресты, пока своей взрывной активности не снижали. Впрочем, императорский поезд все равно поедет в Берлин – с нашими сопровождающими лицами, потому как не в дирижабле же их везти! Там есть места только для восьми пассажиров, причем спальных всего четыре. Я, конечно, могу лететь вторым пилотом, сэкономя таким образом одно место, но зачем? Даже в таком варианте на борту не поместится и десятая часть сопровождающих.

Несмотря на то, что этот визит не планировался заранее, дворцовая полиция успела к нему подготовиться, и в Германии нас с женой встречал не только кайзер, но и лично генерал-майор Ширинкин. Его ведомство вновь вернулось в подчинение начальнику императорской охраны – сразу после того, как полтора года назад Черевин по пьяни простудился, а потом, несмотря на усилия Боткина, помер от воспаления легких, и его место занял Евгений Никифорович.

Встреча произошла в аэропорту Темпельхоф. Кстати, само слово – аэропорт – в этом мире ввел в оборот кайзер. У меня использовались понятия «летное поле» и «аэродром», но кайзер решил, что, раз уж у него будет воздушный флот, то и базироваться он должен в портах, только особых – воздушных.

– Рад видеть вас вдвоем, хотя, конечно, жаль, что встреча происходит по столь прискорбному поводу, – жизнерадостно заявил Вильгельм. По нему что-то не замечалось, чтобы он так уж безутешно скорбел об усопшей матери. Все правильно, она с самого начала его царствования находилась в оппозиции сыну. Почти как моя мать, только ей хватило ума понять реальный расклад сил и по-быстрому сменить сторону, а Виктории – нет. Поэтому они с Вилли так и не помирились.

– Автомобили для вас поданы, – продолжал кайзер, – а вообще жаль, что все произошло так неожиданно. Явись вы сюда через месяц, увидели бы то чудо, которое готовит для меня герр Даймлер. Колоссаль! Но его надо видеть в натуре, на чертежах он смотрится не столь внушительно.

Да уж, гигантизм всегда был отличительной чертой Вилли, так что ему автомобили, до сих пор покупаемые у меня, быстро начали казаться слишком маленькими. А чертежи его будущего шестиколесного монстра я видел, когда они были еще эскизами. Ну что тут скажешь, движок мощностью шестьдесят сил на шесть с половиной тонн сухого веса этого чуда техники обещает массу «приятных» ощущений водителю. Да и пассажирам, наверное, тоже. Впрочем, для езды по хорошим дорогам и такое сойдет.

Кстати, по аналогичной причине Вильгельм стал ярым сторонником дирижаблей. Ведь дельтаплан нельзя сделать хоть сколько-нибудь крупным, а дирижабль – еще как можно! Лишь бы денег хватило.

В ответ на вопросительный взгляд Риты я слегка покачал головой, что означало – ей, похоже, нет необходимости прямо сейчас начинать изображать великую скорбь по безвременно усопшей матери. Супруга не раз рассказывала мне о своем детстве, и мне еще тогда подумалось, что я бы, пожалуй, такой родительнице мог и помочь усопнуть пораньше, не дожидаясь милостей от природы. Нет, у гроба, конечно, Рита будет стоять с застывшим лицом, с трудом сдерживая слезы, но сейчас это не нужно, Вильгельм и так прекрасно обойдется.

– Так что прошу в автомобиле, – закончил тем временем кайзер, – в Потсдаме нас ждет скромный обед, где мы сможем поговорить... гм... о наших невеселых делах.

– Ты имел в виду Францию? – шепнул я ему перед тем, как загрузиться в лимузин своего же собственного производства – правда, не третьей, а всего лишь второй серии.

– Да, дорогой Алекс, именно ее, – вздохнул Вилли.

Ну да, сведения о том, что французы заметно усилили заигрывание с моим ближайшим окружением, до кайзера наверняка дошли. И я, разумеется, уже знал, под каким углом все это надо осветить Вильгельму.

До обсуждения французских дел беседа дошла к десерту, и так как я не очень люблю сладкое, то появилась возможность прекратить жевать и послушать, о чем беспокоится кайзер.

– Ну ты же не будешь отрицать, что сейчас они предлагают условия займов более выгодные, чем могут предложить германские банки?

– Во-первых, буду, выгода тут не такая уж бесспорная. Да, процент по кредитам в численном выражении несколько ниже, но чем придется отдавать? Золотом! Если бы у меня был его неиссякаемый источник или хотя бы месторождения, сравнимые по объемам добычи с южно-африканскими, откуда, кстати, мою русско-американскую компанию скоро выживут, то тогда да. А реально – нет, для России во всех отношениях лучше отдать чуть больше, но товарами и услугами. Но тут есть и второй аспект, который я сейчас тебе постараюсь изложить.

Итак, допустим, что Россия таки не устояла и взяла предлагаемые кредиты. А знаешь, в чем они будут номинированы? Во франках!

– Точно?

До Вильгельма, кажется, начало потихоньку доходить, и я подтвердил:

– Еще как. И вот теперь представь себе, что я развесил уши, поверил их сладкому пению и в грядущем неизбежном противостоянии Германии и Франции выбрал Париж – в таком случае, согласишься, его победа обретает хоть какие-то черты реальности. Так как основные потери в этой гипотетической войне понесет Россия, то франк, скорее всего, сильно укрепитя по отношению к рублю. То есть отдавать мне придется с сильно возросшими процентами, ведь мои доходы – то в основном рублевые.

«Как валютному ипотечнику в будущем», – подумал я, но вслух, разумеется, ничего такого говорить не стал. А продолжил:

– Какой-то не очень выгодный бизнес получается, согласен? Да меня за него собственная жена живьем сожрет!

– Сожру, – кивнула Рита, не отрываясь от пирожного. Умница, она почти никогда не спорила со мной на людях.

– Вот видишь? Теперь давай рассмотрим противоположный случай. Я взял кредит, но от военного союза с Парижем сумел отвертеться. А потом мы с тобой когда-нибудь обязательно придем к выводу, что французскую проблему надо решать радикально – чтоб, значит, она не всплывала с завидной периодичностью, как сейчас. И что ожидает страну после сокрушительного военного поражения и неизбежных в таком случае беспорядков наподобие Парижской коммуны? Простой инфляцией тут дело не ограничится, разовьется гиперинфляция, когда количество франков, за которые можно купить один рубль или марку, станет изме-

ряться килограммами. И для того, чтобы полностью расплатиться по кредитам, мне достаточно будет выгребсти мелочь из карманов.

– Все это, конечно, смотрится привлекательно, – покачал головой Вильгельм, – но ведь у тебя вопросы взятия кредитов курирует министр финансов Витте. Думаешь, он допустит подобное?

– Ты совершенно прав, дорогой Вилли! Уважаемый Сергей Юльевич занимается взятием, и он делает это хорошо. А заниматься отдачей будут другие люди. Разделение труда, оно ведь способствует прогрессу не только в технике.

Кайзер хмыкнул, но от комментариев воздержался, а Рита посмотрела на меня с легкой укоризной. Правда, физиономист из меня тот еще, но жена обещала, что брат обязательно поймет ее скрытое неодобрение. Мы подозревали, что из ближайшего окружения Вильгельма все-таки иногда происходит утечка, вот и вели себя соответствующе. То есть ни слова лжи, минимум умолчаний, но все это надо постараться подать так, чтобы у собеседника сложилось не самое точное представление о наших планах вкупе с удовлетворением своей проницательностью. Хотя в целом реальности не противоречащее.

Ведь что мог подумать после моих слов не только кайзер, но и любой другой слушатель? Что Витте, как только перестанет быть нужным, заболеет каким-нибудь тифом, причем летально. Или, на худой конец, против него будет возбуждено уголовное дело, и он, например, застрелится, не перенеся позора. Ну или еще что-нибудь в этом духе. Так вот, ответственно заявляю – ничего подобного мы не планировали! Ведь не зря в свое время Фрунзик Мкртчян устами своего героя – водителя товарища Саахова – заявил:

«Кто нам мешает, тот нам и поможет!»

Золотые слова! Вот если бы все, кто мне мешал, вдруг кинулись помогать, это была бы не жизнь, а сказка. Однако в отношении конкретно Сергея Юльевича была надежда, что вернуть подобное получится. Она опиралась на два свойства характера Витте, в которых я уже успел убедиться.

Первое – он отлично видел малейшие чужие ошибки и умел виртуозно ими пользоваться. А вот свои замечал только в исключительных случаях.

И второе – он хорошо разбирался в людях, но, однажды составив мнение о человеке, почти никогда его не менял. А ведь сами люди меняются, это я знал совершенно точно.

То есть неоднократно предавая друзей, покровителей и просто подвернувшихся под руку, Сергей Юльевич был совершенно не готов к тому, что кто-то, кому он верит, однажды предаст его.

Кроме того, мне должно помочь то, что Витте считает меня трусоватым. И если я пойду на вполне осознанный риск, то он, скорее всего, посчитает, что я просто не разобрался в ситуации. Во всяком случае, у меня есть основания на это надеяться.

Но, наверное, пора спуститься с высот глубоких и обширных планов на грешную землю. Что это Рита такое рассказала братцу, что он взоржал, аки конь? Наверное, перевела один из тех анекдотов, что ее агенты и агентессы потихоньку начали внедрять в высшем свете. Ну да, у моих дорогих родственников же похороны матери, вот они и ведут себя соответствующе, ибо меня можно не стесняться. И ведь такие отношения в большинстве царствующих домов Европы!

Впрочем, и у меня есть повод глядеть в ближайшее будущее с оптимизмом. Раз траур, то Рита не потащит меня в Берлинскую оперу – вот уж куда мне совершенно не хочется. Не понимаю я этого высокого искусства. Точнее, наоборот, понимаю, благодаря чему оно возникло и какие цели преследует, вот меня и не тянет вкушать его плоды, ибо они с душком. Если неумеренно потреблять такую духовную пищу, то можно обожраться до духовного поноса.

Вон, Вилли уже пострадал – как начнет толкать речь, причем по любому поводу, так хрен его остановишь.

Уже после похорон, в предпоследний день нашего пребывания в Берлине, я поговорил с Вилли о том, что он посчитал действительной причиной моего приезда в Германию. В общем, почти так оно и было.

– Наконец-то ты понял, Алекс, что знакомить нас со своими изобретениями надо не тогда, когда их пора выпускать массово, а в самом начале! Тогда все пойдет гораздо быстрее и обойдется дешевле. Ибо, если соединить гениальные озарения русских инженеров с германской обязательностью, аккуратностью, ответственностью и высочайшей квалификацией, то...

В общем, Вильгельма опять понесло. Правда, сейчас его очень интересовали подробности, поэтому речь продолжалась недолго, всего через три с половиной минуты прозвучало финальное «и тогда нашему союзу не сможет противостоять никто и ничто в мире!».

Я кивнул и выложил на стол проект договора о совместной разработке корабельной паровой турбины высокой мощности.

Ее начали практически одновременно Чарльз Парсонс в Англии и я в России. Так как я был знаком с подобными устройствами лучше англичанина, то поначалу моя разработка шла быстрее. Мой турбинный катер, испытанный на Ладоге, был готов почти на год раньше, чем «Турбиния» Парсонса, и смог развить скорость шестьдесят пять километров в час, то есть примерно тридцать пять узлов. Но, в отличие от английского коллеги, я его широкой публике не показывал. Правда, заранее запатентовал силовую установку в России и Германии, но патенты были оформлены так, что понять, о чем там вообще идет речь, мог далеко не каждый. Это повышало риск возможных судебных тяжб с англичанами, но я был готов к такому развитию событий.

А вот дальше дело пошло хуже. Для изготовления мощной турбины в России не было ни специалистов, ни оборудования, и передо мной встала дилемма – или уже сейчас привлекать немцев, или уступить лидерство Парсонсу.

– Можешь не сомневаться, – воскликнул Вильгельм, – я возьму под личный контроль все работы, связанные с этим проектом!

Будем надеяться, подумал я, что это их не очень сильно затормозит. А то ведь я еще в прошлой жизни воочию видел, к чему может привести руководство эффективных менеджеров без какого-либо технического образования. Впрочем, Вилли хоть воровать и тянуть откаты не будет, что внушает определенный оптимизм.

Вообще-то я, если честно, вряд ли так быстро отдал немцам документацию по паровым турбинам, если бы на данном этапе собирался делать ставку на крупные корабли. Нет, конечно, крейсера – истребители торговли – это очень неплохо, особенно если их будет много, но России много было пока не по карману, а мало не имело особого смысла. Поэтому за границей я ни крейсеров, ни броненосцев не заказывал, а у нас они делались в умеренном количестве, только чтобы не простаивали судостроительные мощности. Основные же усилия были направлены официально на строительство миноносцев, а не совсем официально – еще и торпедных катеров, плюс первых, еще весьма убогих подводных лодок. Для широкой публики они тоже строились, но конструкции Джевецкого (пятой, якобы сильно улучшенной модификации) и всего две штуки.

Для всего этого требовались не турбины, а дизели. Эти моторы у меня так и назывались, ибо Рудольф Дизель уже четвертый год трудился в конструкторском бюро Луцкого вместе с выпускником Техноложки Густавом Тринклером.

В общем, пусть в Германии развивают производство паровых турбин, тем более что и нам с этого наверняка немало обломится.

Глава 5

Пожалуй, пора рассказать, с чего бы это мы с Ритой начали делать Вильгельму многообещающие намеки в ответ на его беспокойство о том, что Россия наконец-то вроде бы поддалась на уговоры и собирается брать приличный заем во Франции.

Ну, скажем прямо, я на эти уговоры поддался не просто так, а в предвкушении весомой доли от комиссионных, частично уже выданных, а частично обещанных несравненной Матильде с великим князем Сергеем Михайловичем. Но, разумеется, одного этого для изменения моей позиции заведомо не хватило бы. Сработали еще и соображения, которые я озвучил кайзеру, однако и они не были решающими. Но вот то, что первый раз в прошлой жизни я сломал руку уже на шестом десятке лет, позволило сейчас превозмочь мои сомнения.

Казалось бы, чего тут общего? Не спешите с выводами, ведь перелом был довольно сложным, поэтому я сидел дома и изнывал от безделья. А Интернет у меня тогда уже был, и вот, значит, я решил от скуки посмотреть, не скажет ли Гугл чего-нибудь интересного про мою ситуацию. И, тыкая в клавиши одним пальцем левой руки, ввел запрос «сломал правую руку, что делать?».».

В ответ я тут же получил кучу ссылок на описания инновационных методов онанизма, но, кроме них, еще на книгу «Правая рука Витте». И прочитал ее, потому как заняться все равно было нечем. Нельзя сказать, что я эту книгу запомнил дословно, но в памяти все-таки что-то отложилось, причем не забылось и в новой жизни. В результате Алексей Дмитриевич Оболенский познакомился с Витте на два года раньше, чем в другой истории, но, как и в ней, быстро завоевал его доверие и стал ближайшим сподвижником. Правда, тут была одна тонкость – за год до этого с ним познакомился Михаил Рогачев, а потом, в обстановке глубокой секретности, – и я. И теперь Оболенский был не только той самой правой рукой Витте, но еще и человеком, входящим в ближний круг императора, что он ценил существенно больше, чем близость к министру финансов.

В общем, я посчитал, что дорогого Сергея Юльевича надо слегка подтолкнуть к активным действиям, во исполнение чего заявил, что собираюсь лично проинспектировать Транссиб сразу после его сдачи в эксплуатацию, до которой оставалось полтора месяца.

Тут, конечно, кто-то может и слегка удивиться. Ведь в другой истории Транссиб начали строить на год позже, а первые поезда по нему прошли уже в октябре тысяча девятьсот первого года. И где же здесь можно увидеть положительный вклад Алика Романова?

Смотреть надо лучше, сварливо отвечу я критикам. Во-первых, в той истории Россия уже была опутана французскими кредитами, а мне этого удалось избежать и брать только тогда, когда они уже не смогут быть путами – то есть сейчас. Во-вторых, как эти самые первые поезда шли по Транссибу при том Николае и как при мне?

В другой истории они до пятого года переправлялись через Байкал на паромов или по льду, и до середины третьего – преодолевали перевал Большой Хинган по системе тупиков лесенкой, пока не был готов тоннель. Судя по читанным мной описаниям, это было то еще удовольствие.

Ну а ныне дорога будет введена в строй полностью, без этих временок. Правда, и без южной ветки КВЖД, но про это я уже рассказывал. Так что можно будет сесть в вагон в Питере и вылезти из него уже во Владивостоке, что я и собирался проделать весной. Этот путь, считая туда и обратно, займет больше месяца, на которые дорогой Сергей Юльевич останется якобы без присмотра, и мне не верилось, что он не попытается этим воспользоваться. Ведь наверняка французы материально поддерживают не только Малечку с Сережей, с которым мы уже пере-

шли на «ты» и вообще казались хорошими друзьями, но и Витте. И вообще они последнее время активизировались.

– В Питер прибыл сам Папюс, – сообщил мне Рогачев сразу после рождественских праздников.

– Рад за него, – кивнул я. – Или надо за нас радоваться? В общем, не помешало бы объяснить, кто это такой и чем знаменит.

– Это известнейший французский оккультист, основатель ордена мартинистов и великий маг – во всяком случае, так он себя называет. Я думал, ты про него знаешь.

– По-твоему, я должен знать всех жуликов мира? Обойдутся.

– Ну, конкретно этот не только мошенник, но, похоже, еще и связан с французскими спецслужбами.

– Тогда другое дело. И чем же он собирается нас осчастливить?

– Вызовом духов Александра Третьего и Николая Второго.

– Миша, – грустно сказал я своему соратнику, – признаюсь тебе как на исповеди. У меня от этой новости проснулись какие-то совершенно атавистические, недостойные настоящего императора желания – пойти и от души дать этому Папюсу в рыло. Ну или, по крайней мере, поручить это кому-нибудь.

– У меня тоже, – кивнул Рогачев. – Но все-таки пусть он сначала погастролирует маленько – интересно же, по какому делу его сюда заслали. А насчет рыла... я тут уже озадачил наших юристов подумать, нельзя ли будет его деяния провести по статье об оскорблении величества. Там же не сказано, что оскорбляемые должны быть обязательно живыми. А тут он собирается вызывать духи самодержцев, словно каких-то мелких чиновников на выволочку.

– И сколько примерно за это можно дать, если постараться?

– До восьми лет.

– Тоже неплохо. Место его выступлений уже определено?

– Да, Владимирский дворец в Царском Селе.

– Это значит, что неймется не столько дяде Володе, сколько тете Михень?

– По-моему, обоим, хотя, конечно, тете все-таки больше.

Ага, подумал я. Надо спросить у Петра Маркеловича, в каком состоянии личные дела их сыночка Кирилла. Скоро ли он женится на своей двоюродной сестре, которая, кажется, со дня на день разведется? Вот тогда можно будет под шумок хорошо прижать не только самих новобрачных, но и их родителей, а то что-то, действительно, эта тетя Михень стала много выступать не по делу. И не помешает намекнуть матери, что выступление столь яркой звезды, как сам Папюс, будет неплохо смотреться и в Аничковом дворце. Пусть пригласит, а то в вотчине тети Михень его деяния будет труднее должным образом запротоколировать, чем во дворце матери. Потому как нельзя же сейчас брать за жабры французского шпиона и провокатора за то, что он шпион! Это могут неправильно понять в Париже. А вот если мое величество оскорбится его непотребными потусторонними выходками и уже за них законопатит мерзавца в кутузку – совсем другое дело. Ну, а уж в Шлиссельбурге он все расскажет как на духу, тут сомневаться не приходится. Да, но тогда, пожалуй, сначала не помешает...

– Миш, а ведь у этого проходимца в России могут появиться последователи, ученики там всякие, адепты и не знаю кто уж еще.

– Вполне возможно, и что с ними делать?

– Попытаться кого-то завербовать или просто внедрить туда нашего человека. Во-первых, так быстрее прояснятся цели мага-прохиндея, отличные от мистических, а во-вторых, сейчас всякий спиритизм действительно набирает популярность, так что лучше с самого начала держать руку на пульсе. Ну куда это годится, когда вызванные духи городят хрен знает что! Нет

уж, лучше пусть выступают по идеологически правильным методичкам, их, я думаю, Зубатов составит без особого труда, да и ты тоже что-то сможешь.

– Понятно, сделаю. Сроки с твоим отъездом как-нибудь увязывать?

– С приездом. Желательно, чтобы этот прохиндей успел все рассказать как раз к моему возвращению. Тогда я, будучи впечатлен искренностью раскаяния, помилую паскуду.

– Он должен раскаяться публично?

– В призыве духов людей, чьи имена ему и упоминать-то все не по чину, – обязательно.

А во всем остальном – нет.

Если бы мой грядущий отъезд был вызван какими-нибудь техническими или там организационными причинами и даже если бы мне просто захотелось прогуляться, то все, напрямую не участвующие в подготовке вояжа, узнали бы о нем постфактум. Во всяком случае, до сих пор, как правило, было именно так. Но сейчас требовалось сделать все наоборот, что сильно осложнило задачу моей охране. Генерал-майор Ширинкин аж весь извелся.

– Ваше величество, – в который раз сообщил он мне, – обеспечить хоть сколько-нибудь тщательную охрану путей на всем протяжении всей магистрали невозможно.

Хм, подумал я. В другой истории какому-то Киму – не то Ир Сену, не то Чен Иру – очень даже обеспечили во время его визита в Россию. А я, наверное, рылом не вышел? Ну не той оно у меня ширины.

– Вы, Евгений Никифорович, главное, охрану тоннелей и мостов обеспечьте, а уж с остальным как-нибудь в рабочем порядке разберемся.

– Но ведь мина, заложённая, например, на высокой насыпи, да еще там, где дорога поворачивает, тоже может привести к непоправимым последствиям.

– Не сможет, если поезд поедет со скоростью десять километров в час, а впереди него будет бежать собака, натасканная на взрывчатку.

– Э... вы серьезно?

– Почти. В общем, главное – это тоннели и мосты. Если останутся силы еще что-нибудь контролировать, то хорошо. Но главное – чтобы это не было в ущерб первым двум пунктам! А с остальным как-нибудь разберемся в рабочем порядке.

– Ох, ваше величество, позвольте еще раз выразить свое мнение – зря вы собрались ехать именно сейчас.

– Буду иметь в виду, но пока мое решение неизменно. Да не волнуйтесь вы так! Как-нибудь выкручусь, ежели что.

Разумеется, в таком важном деле, как обеспечение своей безопасности, я не собирался складывать все яйца в одну корзину, то есть надеяться только на людей Ширинкина. Помимо них будут привлечены немалые силы по линии КГБ. И, кроме того, у меня было несколько, так сказать, домашних заготовок на самый крайний случай, причем одна из них образовалась сама собой и довольно неожиданно. В один прекрасный вечер ко мне зашел великий князь Сергей Михайлович – ныне уже просто Серж, потому как нельзя же обращаться по имени-отчеству и на «вы» к своему якобы самому близкому другу!

– Алик, – сказал он, – ты же понимаешь, что такое путешествие именно сейчас представляет немалую опасность?

Еще один оракул явился, мысленно вздохнул я. Как будто их без него мало.

– Конечно, понимаю, но это необходимо.

– Да, теперь я вижу, что ты действительно ставишь долг выше личного.

Блин, ну до чего же мои родственники любят пафосные речи! Особенно Михайловичи этим страдают. Но все же – чего ему, интересно, надо?

– Я ведь тебе не чужой, и чувство долга у меня тоже есть, – начал объяснять Серж. – И поэтому предлагаю тебя заменить. Пусть в императорском поезде вместо тебя поеду я, мы

ведь довольно похожи, и почти полного сходства будет достичь нетрудно. И в самом крайнем случае моя гибель не станет для России такой потерей, как твоя.

«Вот те хрен, в штаны не лезет», – в некоторой растерянности подумал я. С чего бы это его так на героизм-то пробило?

– Я уверен, что тогда ты позаботишься о Матильде и обеспечишь достойное будущее нашего ребенка, – продолжал потенциальный герой.

– Даже так? Разумеется, об этом можешь не волноваться, я никогда не забываю добра.

Кажется, ситуация проясняется. Вряд ли он сам все это придумал, а вот Малечка вполне могла. Кстати, не помешает уточнить...

– Я так понимаю, что она с тобой не поедет?

Вот тут Серж немного замялся.

– Знаешь, я ее из всех сил пытался отговорить, ведь она в положении, но не получается. Она говорит, что должна быть со мной и в радости, и в печали, и уж точно не может остаться дома, когда мне угрожает опасность. Может, ты ее сможешь урезонить?

Если она действительно хочет ехать, то надо не урезонивать, а выяснять, зачем ей это понадобилось. А если все это спектакль для милого Сережи, то Маля сама урезонится с полуслова. Даже, пожалуй, с полувзгляда, ведь она очень хотела, но император не разрешил.

– Попробую. Скажи Матильде, чтобы она зашла ко мне завтра вечером.

А ведь действительно, подумал я, если Сергею сбрить бороду, слегка укоротить усы и надеть парик, а мне, наоборот, бороду приклеить и побрить башку налысо, да после этого обоих слегка подгримировать, может получиться достаточно убедительно. Интересно, что мне скажет Маля?

Причины, побудившие молодую жену Сержа к проявлению неумеренного героизма на грани самопожертвования, оказались просты, незатейливы и несколько меркантильны.

– Ротшильды станут гораздо более уверены в моих возможностях влиять на вас, если получат основания думать, что мы иногда кое-что себе позволяем в личном плане, – объяснила она. – Сергей будет изображать из себя вас и поедет в императорском поезде. А со мной ничего изображать не придется – тесные встречи с ним у нас и так будут, но многие подумают, что я сплю с вами.

– С первого взгляда неплохо, но только с чего это тебя так резко потянуло на самопожертвование? Риск, хоть и не очень большой, все же есть, причем он максимален именно в том составе.

– Так я же в императорском поезде не поеду! Мне такое не по персоне, буду Сережу на остановках навещать. И, раз уж вы будете его играть, то мне вполне логично ехать рядом с вами. Во-первых, как молодой жене. Во-вторых, рядом с вами будет самое безопасное место, я в этом убеждена. А в-третьих, если вдруг выяснится, что в поезде для свиты едет не Сережа, а вы под видом его, то подозрения, что мы с вами любовники, от этого только усилятся.

– Хм... на первый взгляд убедительно. Но ведь это еще не все причины?

– Александр, ну конечно. Просто, когда французы убедятся в моей полезности и подкинут еще денег, можно я оставлю себе на тридцать процентов больше, чем в прошлый раз? А то мы в Стрельне все никак отделку завершить не можем.

– На двадцать пять. А хочешь тридцать – тогда езжай вместе с Сергеем в императорском составе, повод придумаем.

– Не надо, двадцать пять тоже очень хорошая цифра.

Рита против Малечкиной затеи ничего не имела, и я, естественно, на следующее же утро познакомил с ней Петра Маркеловича.

– В принципе неплохо, – кивнул канцелярист, – но, Александр, позвольте вам сказать откровенно. Я убежден, что из вас выйдет не самый лучший великий князь Сергей Михайло-

вич. Найдем и поубедительней, а вам лучше ехать под личиной господина Шумахера в поезде обеспечения. Тогда в легенде появляется третий слой, что повышает ее устойчивость. Ну, а что Шумахеру придется ехать не в столь комфортных условиях, как великому князю, вы, я надеюсь, переживете.

– Да, переживу, не барин. А вы на всякий случай подготовьте документы еще и для Ржевского. Вот только, пожалуй, пусть он теперь будет не гвардейцем, а жандармом. И подрастет в чине до штабс-капитана.

Вообще-то мы все считали, что вероятность покушения на меня не очень высока – хотя, конечно, она есть. Но вот вероятность того, что в Питере во время моего отсутствия начнут происходить весьма интересные события, оценивалась как близкая к ста процентам.

Глава 6

Даже как-то странно: за всю свою вторую жизнь я ни разу не вспомнил песню зlostных алиментщиков из первой юности – «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Хотя на поездках пришлось поехать не так уж и мало. Не как Вильгельму, конечно, который иногда проводил в своем поезде по три месяца в году, но все же. И в самом начале поездки на Дальний Восток тоже ничего особенного не замечалось – ну еду себе и еду, не в первый же раз. А вот когда кавалькада из пяти поездов (правда, довольно коротких, по шесть – восемь вагонов) проехала Ярославль и взяла курс на юго-восток, в голове сразу назойливо зазвучало: «Колеса диктуют вагонные, где срочно увидиться нам...».

Я помотал головой. Вот же зараза! Будь моя воля, я бы за весь путь вообще ни с кем не увиделся – имеется в виду из начальства городов, которые мы будем проезжать. Но так не получится, к сожалению. Сходить, что ли, в вагон – узел связи?

Как я уже упомянул, направляющийся во Владивосток караван состоял из пяти поездов.

Первым двигался поезд охраны. За ним – свитский, третьим шел императорский, потом следовал поезд обеспечения, в котором я ехал, и замыкал строй еще один состав с охраной. Причем людей в нем было несколько меньше, чем в первом, зато имелся десяток хороших лошадей.

В поезде обеспечения в качестве транспорта находились пять велосипедов, три мотоцикла, багги, легкобронированный автомобиль и два двухместных дельтаплана. И это кроме тех двух автомобилей, что ехали императорским составом. В общем, в случае возникновения серьезной опасности у меня будет большой выбор, на чем убежать. Ну, а пока бежать рано, следовало, пожалуй, лично убедиться, что в радиовагоне все в порядке. И заодно узнать новости, если они есть.

Вагон – узел связи находился через один от того, в котором ехал я, то есть, pardon, Михаил Рольфович Шумахер. Там царила рабочая обстановка, причем, как только я туда зашел, в голове тут же всплыло: «Вы, точки-тире телеграфные, ищите на стройках меня. Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня». Вот интересно, рифмоплет, сочиняя эту бредятину, ржал в голос или у него хватило силы воли делать это только мысленно?

– Что-нибудь, кроме сведений о готовящихся встречах, есть?

– Нет, Михаил Рольфович.

Разумеется, связисты знали, кто это такой на самом деле. И автомеханики, и личный состав маленькой поездной авиагруппы. Не в курсе была только прислуга, едущая в двух последних вагонах.

Со встречами была, конечно, задница. Я еще в прошлой жизни неоднократно видел, как к приезду высокого начальства завешивали облезлые стены домов тряпками с нарисованными на них восхитительными фасадами, без всякой подготовки спешно клали новый асфальт поверх старого и вообще чуть ли не красили траву в зеленый цвет. Несколько раз даже самому приходилось участвовать в строительстве таких потемкинских деревень, и вот снова приходится с этим же сталкиваться. Правда, теперь с другой стороны, ведь это я – высокое прибывающее начальство, но сути дела это не меняет совершенно. Вон, в Красноярске, как мне доложили, собрались спешно строить какую-то триумфальную арку. Блин, зачем, – им что, деньги некуда девать? Ладно бы я ехал именно в Красноярск, но ведь наша кавалькада задержится там всего часов на семь-восемь. Времени хватит разве только на то, чтобы с толком, без суеты повесить на этой арке всех инициаторов ее возведения! Хорошо хоть об этом строительстве удалось узнать заранее, и в Красноярск уже отправлена телеграмма, сообщающая, что мое величество такой бессмысленной расточительности очень не одобряет.

Тут по основному каналу прошел вызов, и дежурный радист начал прием. Причем его наушники были сдвинуты на затылок и пищали так громко, что даже я смог на слух разобрать текст. Радиограмма была от «Второго», то есть председателя КГБ Медникова, и предупреждала, что в Челябинске отмечена активность террористов. Аресты уже идут, но нет гарантии, что до моего приезда удастся выловить всех.

Радист попытался всучить мне текст, но я отмахнулся:

– Слышал уже. Что это оно у вас пищит аж на весь вагон – а вдруг тут по углам прячутся шпионы? Вон же регулятор громкости, на самом видном месте торчит!

– Так ведь, Михаил Рольфович, если его часто крутить, он быстро из строя выходит. Первый уже накрылся, это второй, из ЗИПа.

– Да? Спасибо, не знал. Постараюсь принять меры. Ладно, я пошел. Спокойного вам дежурства!

Шумахер, будучи все-таки не какой-то совсем уж мелочью, а старшим механиком гаража его величества, ехал в отдельном купе, примерно соответствующем СВ более поздних времен. Площадь, кажется, чуть побольше, окно несколько меньше, а так те же самые два дивана и столик между ними. Меня оно вполне устраивало, в прошлой жизни доводилось ездить не то что в плацкартном, но даже в общем вагоне, и ничего.

Так как Алик Романов еще не бывал в этих краях, то есть к востоку от Москвы, то я большей частью смотрел в окно и сравнивал увиденное с тем, что помнил Сан Саныч Смолянинов.

Вокзалы и станции, конечно, заметно отличались, а вот все остальное – не очень. Даже телеграфных проводов вдоль путей было почти столько же, сколько в моих воспоминаниях из иной истории. Правда, там я ездил на поездах только в двадцатом веке, в двадцать первом же обходился автомобилем, электричками и самолетами, так что сравнение было несколько ограниченным. Но, с моей точки зрения, лес вокруг дороги, а в основном там был именно он, за минус сто лет сильно не изменился. Изменилась скорость, с которой он пролетал мимо окна. Сейчас она была где-то километров пятьдесят в час, не больше.

В Челябинске меня, естественно, изображал Серж, а его – подобранный Петром Маркеловичем практически неотличимый двойник. Во всяком случае, я в виде Шумахера с десяти метров поначалу никаких отличий от оригинала углядеть не смог. Зато, присмотревшись, обнаружил, что при желании можно заметить и некоторое сходство со мной. В общем, этот человек изображал из себя не только великого князя Сергея, но, для особо внимательных, еще и меня, переодетого великим князем. Да уж, и где это Петр Маркелович откопал такого талантливого исполнителя? Надо будет предложить ему постоянную работу. Наверняка он сможет изобразить и меня, никем не переодетого и во всем блеске императорского величия.

Охрану вокзала осуществляли местные жандармы, дворцовая полиция и люди из Комитета госбезопасности, причем на виду были только первые. Никаких покушений ни на кого не произошло, но один небольшой инцидент все же случился.

Само собой, все следующие во всех пяти поездах, кроме персон совсем уж высокого ранга, были предупреждены о недопустимости каких-либо несанкционированных контактов по дороге. Но, несмотря на это, официант из вагона-ресторана императорского поезда был пойман при попытке отправить телеграмму. Разумеется, он утверждал, что хотел всего лишь поздравить невесту с днем ангела, но дворцовые полицейские такой нелепой отмазке не поверили и, естественно, арестовали халдея. Но, что интересно, первым мне об этом доложил местный гэбист – как о вопиющем непрофессионализме дворцовой полиции. Нужно же было дожидаться, пока он вручит телеграфисту текст, а не спешить, как голые на случку! Кто теперь из этого экземпляра будет выбивать, кого и о чем он собирался предупредить?

Я не только не препятствовал, но даже слегка поощрял соперничество между спецслужбами, поэтому гэбист с чувством глубокого удовлетворения делал бяку конкурентам.

– Вы, господин майор, и будете, – пожал плечами я. И, увидев отирающегося неподалеку знакомого ротмистра из дворцовой полиции, сделал ему знак подойти.

– Что же это вы так поспешили, господин Сазонов?

– Виноват, ва... Михаил Рольфович! Слишком велики зоны ответственности, вот и пришлось привлечь стажеров.

– Все равно нехорошо, так что передайте арестованного господину майору, а то как бы ваши стажеры снова не напортачили.

– Есть, – без всякого энтузиазма в голосе подтвердил ротмистр. Да уж, фитиль от генерала Ширинкина ему теперь обеспечен знатный.

Первая непредвиденная задержка случилась уже после того, как мы проехали Нижнеудинск. Пришла радиограмма, что на участке от Иркутска до Слюдянки, в Верхнем Прибайкальском тоннеле, – обвал. Рукотворный он или нет, выясняется, но на ликвидацию последствий ориентировочно требуется трое суток, но никак не больше четырех. И перед моим караваном встал вопрос: или встать где-нибудь тут, дожидаясь, пока завал разберут, или доехать до Иркутска и стоять уже там, или двигаться с такой скоростью, чтобы оказаться на месте как раз к концу восстановительных работ. Почесав в затылке, я принял компромиссное решение – ехать потихоньку, но все же так, чтобы оказаться в Иркутске несколько раньше завершения работ в тоннеле. Мне хотелось немного посмотреть город, потому как года через три тут начнет строиться крупный авиазавод.

В результате поезда натуральным образом ползли. Я даже подумал, что мой экспромт с собакой – он не такой уж безумный. Скорость вполне позволяет пустить впереди составов какую-нибудь колоритную псину – например, породы чихуахуа. Чтوب, значит, она яростным лаем и впечатляющим видом распугивала террористов.

Это самое, одернул я себя, пора заняться чем-нибудь полезным, а то этак от безделья у меня завтра перед поездами побегут отряды боевых хомячков. И, вздохнув, выложил на стол схему зажигания нового авиационного мотора, разрабатываемого в КБ Луцкого. Это была попытка сделать что-нибудь вроде М-62, разработанного в конце тридцатых годов и даже в двадцать первом веке продолжавшего эксплуатироваться на самолетах «Ан-2», но, похоже, замативаться на подобные изделия было еще рановато. У Бориса Григорьевича получался скорее предок этого мотора – М-25, то есть мощностью всего в шестьсот, максимум шестьсот пятьдесят сил. Для начала двадцатого века все равно неплохо, но вот его электрическое хозяйство мне не очень нравилось. Так, прикинем, что тут можно сделать...

За работой время пролетело быстро, и к тому моменту, как я смог сочинить более приемлемую схему и даже прикинуть ее реальную конструкцию, уже стемнело, и мне принесли ужин. Ресторана в поезде обслуживания не было, имелся вагон, половину которого занимала кухня, а вторую половину – склад. Народ попроще ходил за пайкой сам, но старший механик был все же фигурой, достаточно значимой для того, чтобы не утруждаться. И не светиться лишний раз на публике, потому как не все знали, кто скрывается под его личиной, и этим «не всем» лучше бы продолжать оставаться в неведении.

Несмотря на почти суточную задержку в Иркутске, по которому я, то есть господин Шумахер, прокатился на мотоцикле, пока Серж, изображающий меня, и его двойник, изображающий самого Сержа, надували щеки перед местным губернатором и его свитой, перед самым тоннелем все равно пришлось постоять часа три. Но, наконец, когда уже темнело, поезда один за одним начали вползать в его вход, а минут через пятнадцать, ибо ехали они медленно, – выползать из выхода.

В Чите наш караван настигла весть о кончине в Китае Ли Хунчжана. Я вообще-то не очень понимал, отчего он был до сих пор жив, ведь в той истории он помер почти одновременно с открытием движения по Транссибу, то есть осенью тысяча девятьсот первого года. Оказалось, что и в этой он поступил точно так же! Стоило открыться движению, и старый хапуга сыграл в ящик. Так и не получив от России ни рубля взятка, хотя жаждал он их больше десяти лет. Вот что животворящее воздержание-то делает! Небось из-за него он тут и проскрипел лишние полгода. Пожалуй, надо подумать, как намекнуть нашим чиновникам, что скромность в запросах очень способствует долголетию. А нескромность, наоборот, не способствует.

Сразу после Читы путь свернул не на северо-восток, как я помнил по своим прошлым путешествиям, а южнее, к границе с Китаем, до которой оставалось километров триста. А потом начнется уже Китайская Восточная железная дорога, про которую я много читал, но, естественно, пока своими глазами не видел. Вот и хорошо, посмотрю в окно, так как горящих технических задач пока вроде нет, а над экономическими, идеологическими и уж тем более организационными ломать голову неохота.

Маньчжурия действительно заметно отличалась от российской территории. Во-первых, тут уже кое-где распустились листья на деревьях, а в Чите еще и снег-то не везде сошел. И вообще земли производили благоприятное впечатление даже на такого дилетанта в сельском хозяйстве, как я. А во-вторых, тут было гораздо больше солдат.

При движении по России они маячили только на мостах и перед въездами в тоннели, а тут попадались на ровном месте через каждые десять-двенадцать километров. Кроме того, вдоль путей постоянно патрулировали конники, а перед нашей кавалькадой ехал бронепоезд – один из двух, имеющих на КВЖД. Похоже, тут или не очень спокойно, или начальство решило подстраховаться по максимуму, дабы со мной чего-нибудь не случилось. Ведь большинство были моими выдвинутыми, понимающими, что при другом императоре их карьера очень даже может рухнуть.

Цицикар мы проехали, задержавшись в нем всего на час с небольшим, а вот в Харбине планировалось стоять более суток.

В числе прочих императора встречал командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев. Зная о слухах, что он внебрачный сын Александра Второго, я еще в прошлом году поручил Рите их проверить.

– Вряд ли, – таково было резюме супруги. – Полностью исключить нельзя, мало ли что случается в жизни, но такое очень маловероятно.

Но меня он интересовал не как возможный родственник, а в качестве кандидата в наместники Дальнего Востока, включая, естественно, и Маньчжурию.

Мы с ним неоднократно встречались и в Питере, и даже в Гатчине, так что он с некоторым удивлением приглядывался к Сержу, изображавшему меня. Пришлось подать голос:

– Не волнуйтесь, Евгений Иванович, я вот он. И познакомьтесь с великим князем Сергеем Михайловичем, если ранее не имели такой чести.

– Но... ваше величество... зачем этот маскарад?

– Чтоб враги не догадались. Прошу в автомобиль. Садитесь рядом, будете показывать, куда ехать.

С этими словами я занял свое место за рулем. Мы неспешно, чтобы не отставал конный эскорт, проехали по Вокзальной площади мимо помпезного здания Русско-китайского банка и минут через пятнадцать остановились у здания штаба Маньчжурской группы войск. Именно здесь, а не в поезде и не на вокзале, я собирался основательно побеседовать с Алексеевым и командующим группой войск генерал-лейтенантом Гриппенбергом.

Оба считали, что Япония готовится к войне с нами, причем Алексеев даже высказался в том духе, что, мол, не помешало бы обдумать возможность превентивного удара.

– Думать всегда полезно, – кивнул я, – вот только надо позаботиться о том, чтобы результаты ваших раздумий ни в коем случае не стали достоянием гласности раньше времени. Может получиться не очень хорошо, если Россия будет выглядеть агрессором. Тут, конечно, многое зависит от прессы и прочих механизмов манипулирования настроениями в обществе, но не все. Впрочем, у нас с вами будет возможность обсудить этот вопрос более подробно, потому как я приглашаю вас составить мне компанию до Владивостока.

Собственно, в этом и был смысл того, что Алексееву с моей подачи намекнули – императора лучше встретить в пути. Например, в Харбине. Я действительно хотел поговорить с ним без посторонних и без спешки и, кроме того, составить о нем более аргументированное мнение, чем у меня уже было. А совместная поездка в одном купе этому наверняка поспособствует. Кроме того, не было секретом, что Евгений Иванович любит комфорт и роскошь. Ладно, то, что он там любит или не любит, это его личное дело. Но проверить, сильно ли ему помешают заметно более стесненные условия, чем те, к которым он привык, явно будет не лишним. Хотя, конечно, здесь далеко не общий вагон, а по советским меркам, насколько я себя помнил, поездка в двухместном купе спального вагона воспринималась как роскошь чуть ли не на грани разврата.

Глава 7

Такое впечатление, что во Владивостоке сбежалось посмотреть на императора не менее чем полгорода. Серж привычно держал себя очень внушительно, но со встречающими общался без малейших признаков высокомерия и вообще весьма доброжелательно. Ну а старший механик Шумахер скромно сидел на водительском месте императорского лимузина, ожидая, пока подданные выразят свой восторг от лицезрения царственной особы. Ну и удовлетворят любопытство – ведь это не Гатчина, тут просто так царя не встретишь.

Кроме местных, среди встречающих были и иностранцы – например, Чарльз Крамп и Хиробуми Ито, недавно переставший быть премьером, но сохранивший место в императорском Тайном совете.

С Крапом мы до сих пор не встречались, поэтому у него не вызвали ни малейшего подозрения как вид того, кого все приветствовали как императора, так и его манера поведения. А вот Ито наверняка заметил подмену, но, естественно, внешне этого никак не выразил.

Крамп прибыл во Владивосток по моему приглашению. Я решил, что надо все-таки сделать исключение из правила, согласно которому корабли для военно-морского флота строились исключительно на российских верфях, в силу чего Крампу был предложен заказ на два броненосных крейсера по типу неплохо себя зарекомендовавшего «Петра Титова», но в улучшенном варианте. Вот, значит, для личного обсуждения заказа он сюда и явился.

Зато Ито никто не приглашал, он приплыл как частное лицо, влекомое желанием поведаться с моим величеством, раз уж я подобрался так близко к Японии. Во всяком случае, так он объяснил свое прибытие во Владивосток.

На следующее после моего прибытия в конечный пункт Транссиба утро из Питера пришла пространная радиограмма. Мы договорились, что важные и секретные сведения по проводам будем передавать только в крайнем случае, больно уж велика возможность их перехвата. А на коротких волнах в настоящее время могут работать только мои радиостанции, остальные пока обходятся длинными и средними. Правда, не стоит исключать, что адресованное мне послание может услышать и кто-то посторонний, ибо приемники Маркони и Телефункена обладали чудовищно низкой избирательностью, в силу чего при благоприятных условиях могли как-то принять и передаваемое на коротких волнах. Но поди по с трудом принятому обрывку разберись, кому он передается! Однако на всякий случай адресованные мне важные радиограммы шифровались.

Как раз сейчас условия приема были не очень, так что послание передавалось и принималось полдня, с повторами, а потом еще столько же расшифровывалось, но я не волновался. Радиограмма предварялась кодом «ЗБС», а это означало, что в столице все идет хорошо. И пока послание принимали и расшифровывали, я успел, не торопясь, побеседовать с Ито.

– Ваше величество, неужели у вас все так плохо, что вы вынуждены принимать столь неординарные меры? – спросил он, имея в виду, что на торжественном приеме император был несколько не тот.

– Нет, у меня все хорошо, но это еще не повод отменять меры предосторожности, которые не стоят ничего или почти ничего. От меня не ubyло от того, что я некоторое время побыл великим князем Сергеем, и ему тоже не повредило временное пребывание в моей шкуре.

О том, что вообще-то я в поездке был не великим князем, а вовсе даже старшим механиком императорского гаража, я, естественно, бывшему премьеру не сказал. Потому как надеяться на то, что он непременно сохранит такие сведения в тайне, было бы идеализмом.

Ну а дальше Ито признался, что с первой нашей встречи почувствовал ко мне большое расположение, из-за чего сейчас хочет меня кое о чем предупредить, невзирая на негативные последствия, могущие последовать для его карьеры.

– Ваше величество, – открыл мне глаза этот благороднейший человек, – в правящих кругах нашей страны есть как сторонники прочного и взаимовыгодного мира с Россией, так и убежденные в желательности войны с ней. Я принадлежу к первой группе, но, к величайшему моему сожалению, последнее время верх берет вторая.

Вообще-то все это тайной для меня не было – ну кроме разве величайшего сожаления, испытываемого по этому поводу собеседником. Да и то не факт, что оно было таким уж большим. И то, что Ито мог пострадать из-за данного разговора, тоже было чистой правдой. Он, разумеется, действовал не сам по себе, а в интересах своей группировки, считающей, что слона надо есть по кусочкам. То есть сначала полностью разобраться с Кореей, потом окончательно унасекомить Китай, а уж только потом решать, куда расширяться дальше. Но эти интересы входили в противоречие с устремлениями «ястребов», к тому же явно подкармливаемых из Лондона, и они вполне могли организовать бывшему премьеру одну-другую неприятность.

– Позвольте мне на правах вашего друга, коим я, как мне кажется, имею честь быть, предостеречь ваше величество, – продолжал свои откровения маркиз. – К сожалению, непрерывное усиление группировки в Маньчжурии льет воду на мельницу сторонников войны. Особенную тревогу вызвало появление тут бронированных и вооруженных артиллерией поездов, в чем многие усматривают угрозу безопасности японской зоны влияния. К тому же, насколько я слышал, вы не собираетесь ограничиться двумя такими поездами.

Ага, подумал я, вот тут он слегка проговорился. Ведь совершенно ясно, что без рельсов бронепоезда далеко не уедут, а рельсы и близко не подходят ни к Корее, ни к Квантунскому полуострову. А вот если японцы начнут наступать в Маньчжурии, то эти поезда могут им сильно испортить жизнь.

Однако вряд ли Ито проговорился случайно, а это значит, что его группировке выгодно поставить меня в известность о том, что война уже почти решена. А также предупредить меня о наиболее вероятном направлении наступления противника. О чем это может говорить? Да о том, что на самом деле оно начнется совсем не там! Как бы хорошо Ито ко мне ни относился, в чем, кстати, при желании тоже нетрудно усомниться, он не предатель и ради сиюминутных выгод выбалтывать планы кампании не будет. Ну что же, это надо обязательно иметь в виду.

– Вы предлагаете мне сократить маньчжурскую группировку? – прямо спросил я. – Чтоб, значит, зря не дразнить гусей.

– Предлагал бы, если бы не был уверен, что вы никогда на это не пойдете, – со скорбным выражением лица ответил Ито.

– Тогда что?

– Было бы неплохо, если бы вы еще раз подтвердили неизменность вашего курса на невмешательство в дела Кореи и той части Китая, что находится вне зоны железной дороги. Это может несколько ослабить позиции сторонников войны.

С одной стороны, подумал я, еще раз подтвердить мне нетрудно. Но кто это сказал – «назревшую войну нельзя предотвратить, ее можно только отсрочить к выгоде противника»? Кажется, Макиавелли, а ведь это был умный мужик, так что не будем пороть горячку.

– Я обязательно обдумаю все то, что имел честь сегодня услышать от вас, – кивнул я.

На этом наша беседа с экс-премьером была завершена.

Перед самым ужином мне принесли расшифрованную радиограмму из Гатчины. Она состояла из трех частей – за подписями Риты, Рогачева и Столыпина.

Жена сообщала, что имела беседу с маман, которая собиралась выступить с инициативой о смягчении участи только что арестованного за оскорбительные потусторонние выходки

Папюса. Вообще-то таких желающих и без нее было достаточно, но вдовствующая императрица считала, что такой образ действий поднимет ее акции в глазах Ротшильдов, а это будет неплохо. Рита писала, что посчитала инициативу вполне уместной и от моего имени одобрила ее. А потом супруга уточнила, что, как ей кажется, моей матери было глубоко начхать как на Папюса, так и на Ротшильдов, а интересовало ее – насколько широкими полномочиями сейчас обладает она, Рита.

Самым коротким был пакет от Столыпина. Он писал, что подготовка к подписанию договора с Францией о дружбе и торговле идет штатно, но Витте, отвечающий за его часть, связанную с пошлинами, в рамках своих полномочий слегка изменил три статьи в нем. Причем в чью пользу – пока неясно.

Это вам, Петр Аркадьевич, неясно, а вот у Миши Рогачева никаких сомнений нет, подумал я, приступая к чтению третьего пакета. Поправки небольшие, но в случае вступления России в войну условия погашения кредитов могут измениться. А могут и нет, это уж как французы решат.

Михаил писал, что сейчас он пытается выяснить – сколько же и конкретно с кого Витте взял за такую коррекцию. Но волноваться нет повода, ибо техническую подготовку документов осуществлял Алексей Дмитриевич Оболенский. Он, взяв пример со своего шефа, переставил в документах несколько запятых, убрал один предлог, добавил два и в двух местах заменил «и» на «или». И теперь право изменять условия погашения, если присмотреться, теоретически появлялось не только у Франции, но и у России. Витте пока ничего не заметил, французы тоже. Подписание назначено на двадцать второе апреля.

То есть послезавтра, подумал я, поднося зажигалку к бумаге с текстом радиограммы. Да, пока все идет по планам. Витте уже подставился настолько, что при необходимости мне не придется долго искать повод, чтобы шугануть его с поста министра финансов. Вообще-то, конечно, я, будучи самодержцем, мог снять его и просто так, ничего никому не объясняя, но мне не хотелось злоупотреблять подобным, я же не Николай Второй из другой истории.

Кроме того, насколько я успел изучить характер Сергея Юльевича, снятие втихую для него будет не более чем огорчительно, да и то не очень, а увольнение с формулировкой «за злостное неисполнение служебных обязанностей» его натурально взбесит. И он, скорее всего, в запале наделает ошибок, которыми мы постараемся воспользоваться.

Следующим пунктом повестки дня моего пребывания во Владивостоке был осмотр строящейся ветки к Хабаровску. Она пока была построена примерно наполовину, дотягиваясь только до городка Иман, который во времена моей первой жизни назывался Дальнереченском.

От императорского поезда отцепили четыре вагона, вместо которых прицепили три теплушки с охраной, и в сопровождении бронепоезда он двинулся на север. Почти вся свита осталась во Владивостоке, а императора, естественно, по-прежнему изображал из себя Сергей. А вот я сменил аватару, перевоплотившись в Ржевского. Бывший поручик, перейдя в жандармы и подрастая в чинах, вылечился от застарелого алкоголизма и стал абсолютным трезвенником – почти как я. Ехал он на бронепоезде, потому что на вопрос «Роман Исидорович, а как тут у вас с хунгузами?» Кондратенко, вдохнув, честно ответил:

– Иногда шалят, Александр Александрович. Мы их, конечно, гоняем, но все же нет-нет да и случается стрельба. Особенно там, где идут дорожные работы. Такое впечатление, что их кто-то науськивает как можно сильнее затруднить строительство пути до Хабаровска.

Мне тоже стало интересно – это англичане, французы или японцы? Не помешает попытаться узнать, но без особой спешки, ибо дорогу все равно нужно как можно быстрее достраивать. Ведь полностью окружить Владивосток не так просто, а вот отрезать ему снабжение по КВЖД – это уже реально. Так пусть будет резервный путь по Амуру до Хабаровска и далее по железке. Он хоть неудобный, но все же это лучше, чем вовсе никакого.

И, наконец, по возвращении во Владивосток осталось совершить последний из запланированных инспекционных вояжей – на Сахалин. Я собирался плыть на «Петре Титове» – зря, что ли, на стадии постройки он считался императорской яхтой? А сопровождать меня должны были два его сестершипа – «Аврора» и «Паллада». Вообще-то их было заложено три, но «Диану» все еще никак не могли достроить. В этой истории их уже не называли «сонными богинями», потому как они могли развивать скорость в двадцать два узла, а «Диана» – и вовсе двадцать четыре благодаря более мощным машинам. Собственно говоря, из-за их постоянных поломок ее до сих пор так и не сдали в эксплуатацию.

Мы прибыли в форт Корсаков рано утром. Изображающий императора Серж прогулялся по поселку, но недолго и без особого интереса, а потом вместе с местным начальством вернулся на борт «Титова», где они, мягко говоря, слегка выпили. А штабс-капитан Ржевский в сопровождении капитана Деникина и десятка казаков верхом прогулялся до Владимировки, во второй половине двадцатого века ставшей Южно-Сахалинском, и задержался там на сутки.

– Ну что же, Антон Иванович, вы справляетесь очень неплохо, – сказал я ему на обратном пути. – Продолжайте в том же духе, господин подполковник, указ о производстве в чин будет завтра.

– Служу России! – козырнул Деникин. Да, теперь уставной ответ на поощрение со стороны начальства звучал именно так. Всякие там «рад стараться, ваше вашество» были отменены еще в тысяча девятисотом году.

Второго мая караван из пяти поездов, сопровождаемый бронепоездом, тронулся в обратный путь. Правда, куда-то потерялся старший механик Шумахер – ну мало ли, вдруг человек загулял во Владике и опоздал на поезд? Освободившееся купе занял жандармский штабс-капитан Ржевский, по служебным делам направляющийся в столицу. И где-то между Иркутском и Красноярском ему принесли только что принятую радиограмму с грифом «ХЗ», что означало – отправитель сомневается, хорошие это новости или не очень. В ней сообщалось, что, во-первых, десятого апреля скончался глава и основатель компании «Де Бирс» Сесил Родс – один из самых ярких сторонников войны с Трансваалем и Оранжевой. А во-вторых, два дня назад английские войска без объявления войны перешли границу Оранжевой республики и начали наступление на Спрингфонтейн.

«Ох и ни хрена же себе», – почесал в затылке бравый штабс-капитан. Я же помнил, что Родс действительно должен был умереть весной этого года, но считал, что после его смерти риск спонтанного начала боевых действий сильно уменьшится. А оказалось наоборот! Так что же, его воинственные вопли на самом деле были всего лишь прикрытием подготовки, проводимой куда более серьезными людьми? Выходит, что так. И это означает, что начал реализовываться какой-то план, детали которого мне неизвестны. Например, недавнее резкое возращение лояльности Франции и заигрывания Ротшильдов с Витте тоже могут быть пунктами того самого плана. Кстати, и переезд Марины с Георгием в Россию тоже! Интересно, как они там? По идее должны были уже явиться, но мне никто ничего не сообщал. Хотя, с другой стороны, не такая уж это и важная новость, особенно с точки зрения Риты.

Я с трудом подавил желание приказать колонне поездов увеличить скорость. Нет уж, слететь под откос будет совсем некстати. Да и вообще не следует показывать, будто императора что-то волнует. Наоборот, он спокоен как удав – и для жены, и для внешних наблюдателей. А вот написать указ о производстве полковника Максимова, главы нашей военной миссии в Трансваале, в генерал-майоры – самое время. Надеюсь, он поймет аванс правильно и англичан в Южной Африке будет ждать отнюдь не увеселительная прогулка.

Глава 8

К моменту моего возвращения домой в Гатчине натуральным образом выстроилась небольшая очередь из желающих доложить, что же такого интересного произошло за время моего отсутствия. Правда, Ширинкин успел раньше других, так как ехал со мной в одном купе и всю дорогу развлекал рассказами о том, сколько эсеров и анархистов его людям удалось обезвредить за время моего путешествия. Из его слов следовало, что, даже если бы никакой другой пользы от вояжа не было, он все равно себя оправдал. Тем, что показал, насколько, оказывается, далека от идеала моя охрана. Из слов Евгения Никифоровича следовало, что предотвратить террористические акты по дороге удалось не столько благодаря высокому профессионализму сотрудников дворцовой полиции и комитета госбезопасности, сколько из-за дилетантства и общей криворукости революционеров.

– В основном они из студентов гуманитарных направлений, – пояснил генерал. – Однако не стоит надеяться, что так будет всегда. Где-то во Франции, по моим сведениям, эсеры уже организовали школу боевиков.

У меня сведения были чуть более полные. Во-первых, не где-то, а в пригороде Тулона. А во-вторых, там скоро должен был произойти несчастный случай – или даже сразу несколько таковых. Эти идиоты совместили школу с лабораторией по производству взрывчатки, и Рогачев обещал, что такое вопиющее нарушение техники безопасности обязательно приведет к трагедии. Надо только подождать, пока там соберется побольше народа. А вообще меры уже принимаются, то есть господину Ефимову поставлена соответствующая задача и выделены средства. Но расслабляться, конечно, ни к чему, тут мой собеседник прав.

– Численность охранных структур ныне достаточна только для обеспечения вашей безопасности в Гатчине и сложившейся практики, когда большую часть выездов оттуда вы производите инкогнито и внезапно, – убеждал меня Евгений Никифорович. – Она почти достаточна для визитов в Берлин, но в основном благодаря серьезной помощи от служб кайзера. Завершающееся же путешествие через всю Россию показало реальные границы наших возможностей, и они не радуют. Кроме того, ваши фокусы с переодеванием и гримом, хоть и в урезанном варианте, стали известны в достаточно широких кругах, а это означает, что скоро нельзя будет эффективно использовать личины Шумахера, Ржевского, да и все прочие тоже.

– Ваши предложения?

– Штаты дворцовой полиции необходимо расширить как минимум на тридцать процентов. Кроме того, я посоветовал бы создать особый охранный отряд высокой мобильности, подчиненный непосредственно вам.

– Настолько заботитесь о деле, что готовы своими руками способствовать рождению еще одного конкурента?

– Да, Александр Александрович. Ведь если с вами что-то случится, то моя карьера будет кончена в любом случае. Это если отбросить более высокие соображения, но и они тоже присутствуют.

– Спасибо за совет, я подумаю.

Или, если быть точным, закончу думать, потому как начал-то я это еще до поездки на Дальний Восток, и приступлю к практической реализации идеи об особом отряде. Тем более что и в другой истории он был создан под руководством полковника Спиридовича, но Николай Второй пошел на это только после революции пятого года. Однако он мне не указ, я подсучусь пораньше. Правда, Спиридович пока только ротмистр, но мне уже радировали, что несколько дней назад он смог поймать давно разыскиваемого Гершуни, так что с чинами у него все будет в порядке, вряд ли ему придется долго ходить в подполковниках.

Ну а в Гатчине первой, естественно, со мной встретилась жена. Примерно полминуты ушло на утверждение, что за время поездки я похудел, а это мне не идет, потом Рита перешла к делу, но начала почему-то с Папюса.

– Я его позавчера сама помиловала, не дожидаясь тебя, – объяснила она, хотя по моему лицу и куда менее опытный физиономист, чем Рита, мог бы прочитать, насколько мне в данный момент начхать на всех Папюсов в мире. Мой брат Георгий где? Правда, на этого тоже начхать, если откровенно, но у него же есть жена.

– Мне показалось, что тебе этого делать не стоит, – продолжала моя благоверная. – А то это может выглядеть как метания – сам посадил, сам выпустил... какая-то непоследовательность, право слово. Зато теперь все в порядке. Суровый император твердой рукой пресек спиритические безобразия, а добрая, мягкая и подверженная чужому влиянию императрица воспользовалась отсутствием мужа, чтобы облегчить участь страдальца.

– Сама придумала?

– Разумеется, только дождалась, когда меня об этом попросит Мария Федоровна.

– Хорошо, но к более интересным вещам ты переходить собираешься?

– Милый, ну конечно! У меня с собой финансовый отчет за второй квартал и уточненные заявки на третий и четвертый. А также предложения по улучшению отчетности, ибо...

– Рита, имей совесть!

– С удовольствием, если ты мне объяснишь, каким образом она здесь должна участвовать. Кроме того, глагол «иметь» в русском языке довольно многозначительный, и я даже слегка смущаюсь.

– Хм!

– Ладно, успокойся, приехал твой любимый братец и его супруга тоже. Я их пока отправила в Приорат, под присмотр Петра Маркеловича. Что, прямо сейчас бросишь постылую жену и помчишься к любовнице?

– Нет, – я с некоторым сожалением помотал головой. – Я по тебе соскучился, а в таком состоянии идти к... э-э... старой знакомой не самая хорошая идея. Лучше потом, завтра перед обедом, например. А ты пока расскажи, если есть что, о связанных с их появлением нюансах. Наверняка ведь со времени моего отъезда у тебя появились новые сведения, не вошедшие в радиogramмы.

– Да, Алик. Я уже имела три беседы с Мариной и одну – с Георгием. Если вкратце, то твоя любовь...

– Бывшая любовь.

– Не ври жене, это у тебя все равно плохо получается. Так вот, твоя, скажем так, условно бывшая любовь сразу поставила своих нанимателей в известность, что пытаться хоть как-то форсировать возобновление ваших прошлых отношений она не будет, а вместо этого постарается подружиться со мной. Так как многие уже в курсе моего отношения к твоим бывшим любовницам, особого удивления такое развитие событий не вызовет. Ее задача состоит в том, чтобы потихоньку вызвать симпатию к Франции и антипатию к пруссакам сначала у меня, а потом, если повезет, то и у нас с тобой вместе. Никаких специальных шагов в связи с текущими займами ей не предписано. Более того, рекомендовано по своей инициативе вообще не поднимать эти вопросы в беседах ни с кем. То есть, по твоей терминологии, она должна стать типичным агентом влияния с прицелом на перспективу.

– Они что, совсем рехнулись? Пытаться вызвать у германской принцессы любовь к Франции и неприязнь к родной стране – это же идиотизм. И вообще что-то тут не сходится, первые сведения были несколько иными.

– Однако с русской высшей знатью нечто похожее у них получилось – по-моему, не меньше половины считают Францию прекрасной страной, а к России относятся как дойной корове. И, кроме того, именно наниматели предложили госпоже Семерковой – или она уже Рома-

нова? – самой признаться в том, что ее отправили по возможности способствовать сиюминутным французским инициативам и не скрывать, что деньги за это уже получены. Очевидно, люди посчитали, что у меня это вызовет доверие. В общем, не такая уж глупость, если глядеть на ситуацию с их колокольни. Кстати, как Марине быть с деньгами?

– А много дали?

– Триста тысяч франков.

– Жмоты, что с них возьмешь. Ладно, эту мелочь пусть оставляет себе, мы не обеднеем. Но, разумеется, в будущем подобные вопросы всякий раз будут решаться индивидуально.

– Я ей так и сказала.

– И еще вопрос – насколько Георгий в курсе тайных дел супруги?

– Она ему поведала, что сразу по приезде призналась – Ротшильды ей заплатили за попытку влияния на меня. Ну вроде как хочет жить на родине с чистой совестью. О том, что тайная служба жены в любом случае будет продолжаться, он, по моим сведениям, не в курсе.

– И чем они тут собираются заняться? – поинтересовался я. – Имеется в виду для публики.

– Марина поначалу будет работать в дворцовой парикмахерской, а со временем, возможно, заменит Людмилу.

Да уж, бедная мышка так и не научилась обуздывать свой аппетит, и сейчас, когда ее вес перевалил за восемь пудов, она и ходит-то с трудом, мысленно согласился я.

– А у Георгия какие-то идеи, связанные с дельтапланами, – продолжала Рита. – Он мне прямо так и сказал, что видит в их совершенствовании большой потенциал и хочет, чтобы он работал на пользу России, а не Германии, хоть она в данное время и почти союзник.

– Эк его на патриотизм-то пробило!

– Конечно, не отпускать же такую жену одну в Россию. Так вот, он уже успел встретиться со своим давним приятелем, Сандро, и даже заручился его поддержкой. Наверное, эти двое скоро придут к тебе с какой-то сногшибательной идеей из области военно-морского воздухоплавания. Больше ты меня ни о чем не хочешь спросить?

– Да вроде нет. Однако надеюсь, что ты сама хочешь рассказать мне о личном письме от брата.

– Ну наконец-то! А то я уже начала волноваться, что тебе не донесли. Письмо как письмо, и в нем интересны только завуалированные намеки на твою якобы любвеобильность.

– Почему это «якобы», – даже слегка обиделся я.

– Потому что я тебя знаю уж всяко лучше, чем Вильгельм. Так вот, он советовал мне закрывать глаза на твои мелкие недостатки, ибо они перекрываются выдающимися достоинствами. И не надо так ухмыляться, Вилли имел в виду вовсе не то, о чем ты сейчас подумал. Мне кажется, что тут тоже как-то отметилась Марина, но точных данных у меня нет. И даже хоть сколько-нибудь подтвержденных предположений пока не появилось.

– Может, это он из-за Малечки? Во время поездки она так и льнула к обоим ипостасям Сержа, а ведь одной из них считался я.

– Знаешь, а мне почему-то такое очевидное объяснение даже в голову не пришло. Вот уж действительно, не следует забывать принцип Оккама. А письмо – вот оно, читай, если интересно.

– Рита, за столько лет супружеской жизни ты уж могла бы заметить, что мне интересно все, хоть как-то к тебе относящееся. Ибо я до сих пор не могу понять, чего во мне нашла такая умная женщина, как ты.

– А меня что, разве кто-то спрашивал? Помнится, ты, даже не додумав до конца предложение руки и сердца, полез обниматься. Ну, а я, робкая и неопытная девушка, такому напору противостоять не смогла.

До встречи с Петром Маркеловичем и Рогачевым дело дошло только на следующее утро, причем на ней присутствовал и председатель КГБ Медников.

– Господа, мне кажется, что настала пора уделить более пристальное внимание вопросам связи, – начал я. – Причем имеются в виду не только и даже не столько технические, сколько иного плана. Например, рассмотрим недавний инцидент в Челябинске. Вот, значит, как я представляю себе идеальное развитие событий, а не то, пардон, безобразие, что имело место в реальности.

Итак, пусть халдей пошел отправлять телеграмму. Телеграфист ее принял, постаравшись не вызвать подозрения, но отправил не по адресу, а в промежуточный центр, снабдив кодовым маркером, почему он это сделал. В данном случае – потому, что с маршрута царского поезда так следовало поступать вообще со всеми депешами. В центре решат, отправлять послание по адресу в неизменном виде, или слегка подкорректировать, или вообще придержать. То есть я считаю, что идеалом был бы вообще полный контроль над всеми телеграфными отправлениями в империи, но идеал, как известно, недостижим. Однако контроль за всей зоной Транссиба нам нужен, и он должен появиться в ближайшее же время. Жду письменных предложений от всех присутствующих через неделю. И, наконец, может мне кто-нибудь внятно объяснить, что у вас тут произошло с Секеринским? Соответствующая радиограмма, скажем прямо, была не очень вразумительной.

– Он пропал, Александр Александрович, – вздохнул Медников. – Как позже выяснилось, за день до того, как было утверждено решение о его аресте. Поиски пока не дали результата, хотя ищут как самого полковника, так и его труп.

– Если найдете и то и то, сообщайте сразу, – усмехнулся я. – И это не шутка, у таких ушлых господ, как Петр Васильевич, может при необходимости образоваться не один безупречно выглядящий труп, а сразу несколько. В общем, ясно, что тут ваша общая недоработка. Кого мне ставить на его место, как думаете?

– Александра Васильевича Герасимова, – тут же отреагировал Медников.

Я вопросительно посмотрел на Михаила и Петра Маркеловича.

– Не возражаем, – кивнул Рогачев. – Тем более что Герасимов займет пост с уже сформировавшейся командой, где есть люди как от нашего комитета, так и от КГБ.

– Ладно, согласен, но все же, господа, вынужден сообщить вам вот что. Ошибки, само собой, случаются в любом деле, и к этому я отношусь с пониманием, но они бывают разные. Пропал Секеринский – не очень приятно, конечно, но по большому счету и хрен с ним. Однако если у вас, не приведи господь, Витте пропадет – вот тут уж, извините, я без оргвыводов обойтись не смогу, причем весьма серьезных. Всем все понятно?

Глава 9

Как и предполагала Рита, заявка на аудиенцию от Сандро и Жоржа была подана на следующий после моего приезда день, и через пару дней, в субботу, эта пара уже сидела в нижнем кабинете.

– Алик, – без предисловий взял быка за рога Сандро, – тут Жорж, по-моему, дело предлагает. Дельтаплан для разведки в море может стать незаменимым, но все упирается в способы его запуска и приема обратно. Если снабженный поплавками аппарат спускать на воду краном и так же поднимать на борт, то оперировать он сможет только при волнении не более трех баллов. Ситуация немного облегчится, если корабль-носитель всякий раз будет становиться по отношению к волне так, чтобы затенить зону, достаточную для взлета и посадки, но это мало что дает. Для посадки хватает, но для взлета полностью загруженному аппарату на поплавках нужно метров триста, а столь длинных кораблей не бывает. Так вот, Жорж придумал довольно компактное устройство для запуска дельтапланов с борта корабля.

Сандро протянул мне чертеж, и я подумал, что во времена моего первого детства таких изобретателей было по несколько штук в каждом дворе. Потому что на эскизе была изображена обычная рогатка, только большая, установленная перед полозами, по которым, насколько я понял, должен был разгоняться взлетающий дельтаплан.

– Эту идею кто-нибудь проверял?

– Я проверял, лично, – вступил в разговор Жорж. – Правда, не на корабле. Взлетал с изображенной здесь катапульты на земле, а садился в пруд. Все в порядке, только смазку для желобов пришлось подобрать, чтобы не протирались поплавки. Пока наилучшие результаты показал бараний жир.

– Неплохо. Для начала, по-моему, надо последовательно изготовить штук пять таких швырялок, чтобы отработать конструкцию. Естественно, на суше, а только потом оснащать этим устройством корабль. Тут как раз «Дмитрий Донской» пришел в Кронштадт на ремонт, так что, скорее всего, попробовать можно будет на нем. Ну, а потом будем решать, что делать дальше. Я убежден, что дельтапланы во флоте ждет великое будущее.

Кажется, мне при этих словах удалось сохранить серьезное выражение лица, хотя поначалу хотелось заржать. Однако, когда визитеры уже ушли, я подумал: а почему бы и нет?

В другой истории дельтапланы на кораблях не прижились, ибо появились они тогда, когда все давно забыли о базирующихся на борту легких разведывательных гидропланах. Здесь же они появились раньше, а в смысле компактности дельтаплан куда предпочтительнее самого маленького самолета, так что подобная мысль наверняка не останется прерогативой только одного Жоржа. А значит, реализовывать ее можно, не очень сильно отвлекаясь на поддержание секретности – все равно скоро она станет всеобщим достоянием.

Вообще-то я еще в самом конце прошлого, девятнадцатого, века встал перед нелегким выбором. Если считать русско-японскую войну неизбежной, то какое средство противодействия японскому флоту считать приоритетным – подводные лодки с торпедными катерами или авиацию? Наш флот я даже не рассматривал, потому что, во-первых, знал, какова была его реальная эффективность в другой истории. А во-вторых, здесь он заметно слабее, потому как деньги шли на Транссиб, железную дорогу до Мурманска и на оборудование там нормального порта.

Поначалу я склонялся к авиации, и в основном потому, что самолеты мне были знакомы куда лучше катеров и лодок. Однако со временем появлялись аргументы не только «за», но и «против», причем последних было много.

Итак, какие типы самолетов пригодны для борьбы против тяжелых кораблей? Пикирующий бомбардировщик и торпедоносец. А что у нас может появиться до тысяча девятьсот четвертого года?

Торпедоносцы – очень даже вряд ли. Для такого самолета нужен мотор мощностью как минимум шестьсот сил, а лучше так вообще ближе к тысяче. Ничего подобного у меня нет и в обозримом будущем в пригодном к серийному выпуску виде не появится. На этом фоне то, что самих авиационных торпед тоже нет, выглядит мелочью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.